

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

■ ИСТОРИЯ ИДЕЙ
■ МЕТОДОЛОГИЯ
■ КУЛЬТУРА
И ЭКОНОМИКА
■ РЫНОК ТРУДА

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2025

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Института экономики РАН

А.Я. Рубинштейн;

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, ординарный профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Автономов

Капелюшников, Р. И.

К20 Экономические очерки: История идей, методология, культура и экономика, рынок труда [Текст] / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 528 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-4121-0 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4278-1 (e-book).

Книга представляет собой сборник работ, публиковавшихся в 2020–2024 гг. Вошедшие в нее очерки разнообразны по тематике, но строятся вокруг четырех ключевых сюжетов: история идей; методология; экономика и культура; рынок труда. В первом разделе прослеживается история возникновения и последующей эволюции таких важнейших для обществознания концептов, как «невидимая рука» (А. Смит), маржиналистская и марксистская теории ценности (Ф. Уикстид, К. Маркс), «неолиберализм», «универсальный базовый доход». Во втором разделе, посвященном вопросам методологии, анализируется знаменитая дискуссия между Кейнсом и его последователями об эпистемологическом статусе эконометрики, обсуждается методология рандомизированных контролируемых экспериментов в экономической науке, дается критическая оценка подхода Т. Пикетти и его соавторов к измерению неравенства в России. В третьем разделе рассматриваются как теоретические (на примере работ Ф. Хайека), так и эмпирические (на примере потребления культурных благ в России) аспекты взаимосвязи между культурой и экономикой. В последнем разделе анализируются некоторые особенности эволюции российского рынка труда на современном этапе.

Монография продолжает линию анализа, представленную в предшествующих публикациях автора: «Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал» (2016) и «Экономические очерки: История идей, методология, неравенство, рост» (2021).

УДК 330.83
ББК 65.01

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4121-0

ISBN 978-5-7598-4121-0 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4278-1 (e-book)

© Капелюшников Р.И., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
ИСТОРИЯ ИДЕЙ	9
I. Многорукий Адам Смит.....	11
II. Филипп Уикстид — нетипичный маржиналист	65
III. Маржинализм и марксизм: первая встреча.....	99
IV. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?	128
V. Приключения «неолиберализма»	167
МЕТОДОЛОГИЯ.....	205
VI. Юность эконометрики: кейнсианцы contra Кейнс	207
VII. «Рандомисты»: новая экономика развития	242
VIII. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов	285
КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА.....	333
IX. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология	335
X. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация	401
РЫНОК ТРУДА	445
XI. Отдача от образования в России: ниже некуда?.....	447
XII. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда	483

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография представляет собой сборник исследований (как общетеоретических, так и более прикладных), выполненных в 2020–2024 гг. Вошедшие в нее работы разнообразны по тематике, но строятся вокруг четырех ключевых сюжетов: история идей; методология; культура и экономика; рынок труда. Объединение этих работ в рамках одной монографии позволит отечественному читателю получить более полное и целостное представление о ряде ведущих направлений современной экономической мысли — таких как институциональная теория, австрийская экономическая школа, экономика культуры, экономика труда, применение в экономических исследованиях экспериментальных методов, эволюционный подход и др. Несмотря на кажущуюся мозаичность, собранные в книге исследования дают комплексное представление о важнейших путях, по которым движется сегодня экономическая наука.

В первой части обсуждаются некоторые «вечные темы», никогда не перестающие интересовать представителей самых разных общественных дисциплин. В частности, здесь прослеживается происхождение и история рецепции центрального концепта экономической науки — метафоры «невидимой руки», введенной два с половиной столетия назад Адамом Смитом. Современные экономисты чаще всего не имеют представления о том, что он использовал ее не только в «Богатстве народов», но также в более ранних сочинениях — «Истории астрономии» и «Теории нравственных чувств». Анализ показывает, что интерпретация метафоры «невидимой руки» сегодняшним экономическим мейнстримом, где она рассматривается как предвосхищение теории общего равновесия, имеет мало общего с тем, какой смысл вкладывал в нее сам Смит. Обращаясь к истории маржиналистской революции, мы прослеживаем творческий путь одного из ведущих маржиналистов второго поколения, британского экономиста Филиппа Уикстида, оставшегося практически полностью неизвестным отечественному читателю, хотя именно ему принадлежит авторство самого термина «предельная полезность» (*marginal utility*). Уикстид был, наверное, одним из наиболее глубоких философов экономической науки за всю историю ее существования (достаточно сослаться на введенное им понятие «*нон-туизма*», точнее всего описывающее природу экономических отношений). Кроме того, он был первым из сторонников теории предельной полезности, который подверг сокрушительной критике трудовую теорию ценности К. Маркса. Парадоксально, что никто из марксистов так и не принял его вызова и аргументы Уикстида так и остались непровергнутыми.

В этой же части подробно анализируются философские, экономические и этические аспекты проекта универсального базового дохода (Universal Basic Income — UBI), завоевавшего в последние десятилетия широкую известность и привлекшего к себе множество адептов. Идею UBI следует рассматривать как глобальный этико-экономический проект, претендующий на радикальную трансформацию институционального фундамента современных обществ. В силу этого он никогда не был реализован в полноформатном виде и крайне маловероятно, что это сможет произойти когда-либо в будущем. Его реализация наталкивается на множество препятствий — финансовых, институциональных, этических, что, по-видимому, делает его очередной кабинетной утопией. В заключительной главе этой части рассматриваются происхождение и эволюция концепта «неолиберализм», составляющего ядро той картины мира, из которой при осмыслении современной эпохи сегодня исходят большинство теоретиков левой ориентации. С его помощью они пытаются объяснять любые негативные явления современного мира, так что в их описании «неолиберализм» принимает облик абсолютного морального зла. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это клише полностью бессодержательно и не может претендовать на то, чтобы считаться аналитическим термином.

Во второй части рассматриваются проблемы методологии экономической науки. Одним из важнейших методологических споров в истории экономической мысли стала дискуссия между Дж.М. Кейнсом и кейнсианцами об эпистемологическом статусе эконометрики, состоявшаяся на рубеже 1930–1940-х годов. Кейнс крайне скептически оценивал возможности ее использования для понимания и объяснения сложных экономических феноменов. В отличие от него кейнсианцы (Я. Тинберген и другие) видели в ней волшебное средство, которое поможет превратить экономику в естественно-научную дисциплину. Ретроспективно хорошо видно, насколько эфемерными были эти ожидания пионеров эконометрики. Еще один важный методологический сюжет, который рассматривается в этой же части, — использование рандомизированных контролируемых экспериментов (Randomized Controlled Trials — RCT), получивших особенно широкую популярность в экономике развития. Подробный анализ аргументов как за, так и против этого подхода показывает, что, хотя с концептуальной точки зрения позиция критиков RCT выглядит намного убедительнее, это едва ли сможет поколебать позицию их приверженцев, которые сумели навязать как академическому сообществу, так и широкой публике представление о том, что RCT — это единственный строго научный метод, способный превратить экономику в экспериментальную дисциплину. В последние десятилетия на передний край экономических исследований вышла проблема неравенства. На российских данных ей была посвящена известная работа Т. Пикетти и его соавторов, из которой следовало, что Россия является едва ли не миро-

вым лидером по масштабам экономического неравенства. Последняя глава в этой части посвящена критическому анализу представленных ими статистических расчетов, который демонстрирует, что эти сенсационные результаты были получены авторами исключительно за счет активного «массажа» данных. При более корректном подходе оценки неравенства для России оказываются намного ниже.

В третьей части обсуждаются некоторые теоретические и эмпирические аспекты сложного взаимодействия, связывающего культуру и экономику. Теоретическая проблематика рассматривается на примере концепции культурной эволюции Ф.А. Хайека. Говоря о культурной эволюции, Хайек имел в виду спонтанный процесс порождения, отбора и передачи правил, норм, практик и институтов, регулирующих взаимодействия между людьми. Ее он противопоставлял биологической эволюции, хотя и находил немало общего в их механизмах. Первоначально разработанный им подход встретил крайне враждебную реакцию даже со стороны симпатизировавших ему исследователей. Главной мишенью критики стала его идея группового отбора, которая предполагала, что культурная эволюция направляется не столько индивидуальной, сколько межгрупповой конкуренцией, и которая рассматривалась как несостоятельная из-за недоучета проблемы «безбилетника». Однако в свете новейших эволюционных представлений хайековская концепция предстает как предвосхищение многих идей современной эволюционной психологии, в которой понятие группового отбора было реабилитировано. В этой же части впервые в отечественной литературе на основе эмпирических данных представлена обобщенная картина потребления культурных благ в России. Анализ показывает, что в настоящее время в России примерно каждый второй взрослый индивид в течение года оказывается охвачен той или иной формой культурной активности. В фокусе работы — оценка вклада различных факторов в формирование спроса на культурные блага. Выделяются две группы факторов, имеющих с этой точки зрения наибольшее значение: с одной стороны, экономических (таких, как доход), а с другой — культурных (таких, как образование, профессиональный статус, опыт работы в сети Интернет). Обнаруживается четкая эмпирическая закономерность: чем выше доход индивидов и чем больше их «эстетический» капитал, тем активнее они ведут себя в сфере культуры.

В четвертую часть включены две эмпирические работы, посвященные российскому рынку труда. Бум высшего образования в России стал источником популярного представления о том, что в российских условиях предложение работников с высокими уровнями образования намного опережает спрос на них. В качестве подтверждения многие исследователи ссылались на оценки, получаемые на данных РМЭЗ ВШЭ, согласно которым отдача от образования в России непрерывно снижалась почти уже два десятилетия. Однако обращение к альтернативным более репрезентативным микродан-

ным Росстата показывает, что это не так: на самом деле в этот период отдача от образования удерживалась на весьма высоком уровне — порядка 10% — без явных признаков снижения. Это означает, что спрос на работников с высоким образованием рос примерно теми же темпами, что и их предложение, так что инвестиции в человеческий капитал оставались весьма привлекательной опцией. Кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, породил опасения, что его следствием станут обвальное падение занятости и взрывной рост безработицы. Однако эмпирический анализ с использованием данных РМЭЗ ВШЭ показывает, что этого не произошло, а также помогает понять почему. Во-первых, на коронакризис российский рынок труда отреагировал традиционным для себя образом — не столько снижением занятости и ростом безработицы, сколько резким сжатием рабочего времени и падением реальной заработной платы. Во-вторых, широкое распространение получил режим дистанционной занятости, что позволило предприятиям продолжать функционировать несмотря на введенные локдауны. В результате рынок труда сумел пережить коронакризис без существенных потерь в занятости и без серьезных социальных трений.

В заключение остается добавить, что предлагаемая вниманию читателя книга продолжает и развивает линию анализа, представленную в предшествующих монографиях автора: «Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал» (2016) и «Экономические очерки: История идей, методология, неравенство, рост» (2021).

ИСТОРИЯ ИДЕЙ

I

Многорукий Адам Смит*

К трехсотлетию автора «Богатства народов»

ВВЕДЕНИЕ

«Невидимая рука» — центральная метафора экономической теории, ведущая свое происхождение от прославленного труда Адама Смита (1723–1790) «Природа и причины богатства народов» [Смит, 2007]. Хотя сам Смит использовал ее в своей книге почти мимоходом и лишь однажды, последующие поколения экономистов превратили ее, без преувеличения, в смысловое ядро своей науки. Сегодня в том, что специфику экономического способа мышления точнее всего выражает именно она, сходятся исследователи, принадлежащие к самым разным, нередко враждующим теоретическим школам.

В истории идей найдется немного фраз, которые привлекали бы к себе столько внимания и наделялись бы таким значением, как «невидимая рука» Смита [Harrison, 2011]. Посвященная ей литература — как теоретическая, так и историографическая — практически безбрежна. Это тем более поразительно, что в корпусе текстов Смита она встречается лишь трижды: один раз в посмертно опубликованной «Истории астрономии» (1795), один раз в «Теории нравственных чувств» (1757) и один раз в «Богатстве народов» (1776), причем во всех трех случаях он использует ее без каких-либо комментариев или намеков на ее важность для хода его рассуждений. Высказывание американского исследователя П. Миновица хорошо передает парадоксальность сложившейся ситуации: «По прошествии столетий после смерти Смита мы все еще пытаемся понять фразу из двух слов, затерявшуюся где-то в его тысячестраничной книге» [Minowitz, 2004, p. 411].

Ареал распространения смитовской метафоры не ограничивается только академическими публикациями: она уже давно вышла за их границы и прочно обосновалась в публичном пространстве, став популярным мемом. Ее суггестивное воздействие несомненно. Как иронически заметил в свое время П. Самуэльсон, «невидимая рука» — это то единственное, что по про-

* Сокращенная версия опубликована: Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 53–74; № 11. С. 123–140.

шествии даже нескольких десятилетий большинство выпускников университетов все еще помнят из своего курса по экономике.

В массмедиа (хотя иногда и в работах профессиональных экономистов) фраза Смита чаще всего фигурирует в вульгаризированной версии — как «невидимая рука рынка». На самом деле это позднейшая (некорректная) вставка, искажающая мысль Смита: рассуждая о «невидимой руке», он не приписывал ее ничему конкретному — ни рынку, про который в соответствующем месте даже не упоминается, ни чему-либо еще. У него она действует вполне автономно, сама по себе: и в «Теории нравственных чувств», и в «Богатстве народов» отсутствуют какие-либо уточнения, чья она — кому принадлежит или к чему относится. Внимательное знакомство с текстами Смита убеждает, что он вкладывал в это понятие гораздо более широкий смысл, не привязывая его жестко к какому-либо одному социальному явлению или процессу.

Если говорить о семантике составных частей смитовской метафоры, то она достаточно проста: слово «рука» обозначает нечто, стоящее над людьми и направляющее их поведение к определенным целям; слово «невидимая» означает, что все происходит за их спиной, — они не осознают целей, достижению которых служат, и не имеют представления, какой силой они к этим целям влекутся. Из-за «невидимости» этой силы последствия ее деятельности предстают как не входящие ни в чьи планы или расчеты. В результате «видимое» оказывается синонимом «преднамеренного», а «невидимое» — синонимом «непреднамеренного».

В современной философии науки метафора Смита используется для обозначения особого (децентрализованного) типа координации и, соответственно, особого типа научных объяснений [Nozick, 1994]. В терминах «невидимой руки» принято описывать ситуации, в которых разрозненные действия отдельных людей вызывают непредвиденные последствия, которые не организуются сознательно сверху каким-либо центральным органом, но спонтанно складываются в упорядоченную структуру, благоприятную для всех. Говоря иначе, принцип «невидимой руки» подразумевает, что при определенных условиях благотворный общественный порядок может возникать децентрализованно — как непреднамеренное следствие поступков отдельных индивидов [Вон, 2009]. Общий смысл этой идеи в свое время точно сформулировал другой шотландский мыслитель, друг и коллега Смита Адам Фергюсон (1723—1816), писавший, что частная собственность и вообще любые политические институты являются «результатом человеческой деятельности, но не исполнения какого-либо человеческого замысла» [Ferguson, 1996, p. 122].

В социальных дисциплинах объяснения с позиции «невидимой руки» (invisible hand explanations) широко распространены и используются при изучении множества самых разнородных феноменов — разделения труда, возникновения средств обмена, роста богатства, формирования социаль-

ных норм и институтов и т.д.¹ В качестве парадигмального примера обычно ссылаются на деятельность конкурентных рынков, способных обеспечивать такое распределение ресурсов общества, от которого будут выигрывать все его члены. Объяснения с позиции «невидимой руки» помогают понять, как много из того, что выглядит на поверхности как результат чьего-то сознательного замысла, в действительности является побочным продуктом бессознательных процессов, сложного переплетения межличностных взаимодействий². В социальных исследованиях антиподом таких «невидиморучных» объяснений выступают интенциональные объяснения, когда те или иные явления выводятся напрямую из интересов, целей и намерений (явных или скрытых) индивидуальных агентов или их групп.

Нетрудно заметить, что метафора «невидимой руки» сводит вместе три тесно связанные, но все же самостоятельные идеи [Вон, 2009; Blaug, 2008]. Во-первых, что частные действия индивидов могут иметь непредвиденные и непреднамеренные социальные последствия, то есть касаться других людей или даже всего общества в целом. Во-вторых, что последствия действий, направляемых частными интересами, могут складываться в определенный порядок, как если бы они координировались из центра с целью создания какой-то общей, внутренне согласованной структуры. Хотя человеческий разум и способен опознавать присутствие в социальной реальности такого рода порядков, инстинктивно он все равно склонен видеть в них реализацию чьего-то сознательного замысла³. В-третьих, что возникающий таким образом порядок индивиды могут находить *post factum* полезным и желательным для себя, хотя заранее никто из них не имел его в виду и его создание не входило в их цели.

Некоторые исследователи считают третье условие не обязательным, помещая под рубрику «невидимой руки» и те ситуации, когда частная деятельность оказывается источником не благоприятных, а пагубных непредвиденных социальных последствий [Nozick, 1994]. Однако поскольку у самого Смита все ссылки на «невидимую руку» предполагают совпадение

¹ Выдающийся американский философ Роберт Нозик приводит 16 примеров из различных областей знания — от теории эволюции до анализа преступности, где используются объяснения с позиции «невидимой руки» [Нозик, 2008].

² Потребность в объяснениях подобного типа возникает тогда, когда у нас вызывает удивление появление некоего нового и неожиданного свойства P , потому что мы не можем понять, каким образом оно могло латентно содержаться в ничем не примечательных («прозаических») действиях определенного числа людей [Gaus, 2011]. В терминах теории сложности P будет определяться как эмерджентное свойство системы S , если S состоит из набора элементов $\{e_1...e_n\}$ и если исходя из всех доступных нам микрознаний об этих элементах нам не удастся обнаружить в них способности порождать P [Ibid.].

³ С этой точки зрения выдающаяся заслуга Смита заключается в том, что он сумел показать, как упорядоченные социальные структуры могут возникать полностью спонтанно, без чьих-либо сознательных усилий, направленных на их формирование.

частных и общественных интересов, в последующем изложении мы будем придерживаться более традиционного («узкого») понимания, связывая эту идею только с индивидуальными действиями, непредумышленно способствующими благосостоянию общества.

Возвращаясь к самому Смиту, отметим, что как ни парадоксально, но среди исследователей его творчества до сих пор нет единого мнения о том, что именно он имел в виду, когда использовал метафору «невидимой руки», и насколько важной она для него была. Существующий разброс в оценках огромен — от панегирических до пренебрежительных и разоблачительных.

С одной стороны, есть немало экономистов, которые видят в ней «глубочайшее прозрение Смита» (К. Эрроу); «зримый фундамент всего здания экономической теории» (Г. Мюрдаль); «универсальный объяснительный принцип, приложимый к любым экономическим явлениям» (Дж. Шэкл); «сущность экономической теории со времен Адама Смита» (М. Редер); «краеугольный камень, на котором строится экономическая наука» (И. Кристал); «великую унифицирующую научную концепцию экономики» (Дж. Хиршлейфер); «унифицирующий принцип экономической науки» (Р. Дорфман); «базовую аналитическую парадигму ортодоксальной экономической теории» (С. Гордон); «единственный основополагающий принцип экономической теории» (Дж. О’Дрисколл); «сердцевину экономической теории» (М. Десаи); «самое важное понятие современной социальной мысли» (Э. Халил); «наиболее важный интеллектуальный вклад экономической мысли в общее понимание социальных процессов» (Ф. Хан); «самое важное и существенное положение во всей экономической науке» (Дж. Стиглер); «возможно, главное интеллектуальное открытие во всей истории экономической науки» (Дж. Бьюкенен); «несомненно, самый важный вклад в экономическую мысль» (К. Эрроу и Ф. Хан); «одну из величайших и влиятельнейших идей во всей истории» (Дж. Тобин) (подборка приведенных высказываний цитируется по: [Samuels, 2011]).

С другой стороны, некоторые историки экономической мысли отказывают смитовской «невидимой руке» в праве именоваться «парадигмой», «теорией» или «концепцией», объявляя ее «умеренно иронической шуткой» [Rothschild, 1994] или «риторической фикцией» [Kennedy, 2009a], — не говоря уже о бесчисленном множестве авторов левой ориентации, склонных усматривать в ней только неприкрытую апологию капиталистической системы (см.: [Samuels, 2011]).

У современных смитоведов наибольший интерес вызывают, пожалуй, четыре спорные проблемы, так или иначе связанные с метафорой «невидимой руки»: 1) какая общая идея стоит за ней, какой смысл вкладывал в нее сам Смит; 2) насколько согласуются между собой три случая ее использования в «Истории астрономии», «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов»; 3) какую интерпретацию следует считать более корректной — теологическую (в таком случае «невидимая рука» приписывается направляю-

шему ее Провидению) или секулярную (в таком случае она действует самостоятельно, без внешнего управления со стороны каких-либо высших сил); 4) насколько адекватен взглядам Смита стандартный для экономистов-неоклассиков подход, при котором «невидимая рука» трактуется как предвосхищение теории общего равновесия.

Цель нашего обзора — познакомить российского читателя с наиболее интересными аспектами не прекращающихся дискуссий вокруг смитовской «невидимой руки». В большей или меньшей степени мы попытаемся коснуться всех главных проблем, до сих пор продолжающих, как сказано выше, вызывать оживленные споры: одни будут рассмотрены достаточно подробно, другие лишь пунктирно. Но основной акцент будет сделан на текстологическом разборе тех фрагментов из произведений Смита, где появляется «невидимая рука». Оговоримся, что с учетом неохватных масштабов современной смитианы наш анализ, конечно же, не может претендовать на то, чтобы считаться полным и исчерпывающим тему.

«ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ»: НЕВИДИМАЯ РУКА — I

Хронологически первое упоминание о «невидимой руке» встречается в посмертно опубликованной работе Смита «История астрономии» (1795/2014). Как предполагает большинство исследователей, Смит начал работать над ней еще во время учебы в Оксфорде (1740–1746) (самого несчастного периода в его жизни, по его собственному признанию), но, судя по косвенным свидетельствам, закончил ее значительно позже — ближе к концу 1750-х годов [Macfie, 1971]. В письме Д. Юму Смит характеризовал «Историю астрономии» как свое первое крупное, хотя и «юношеское» произведение. Большую часть своих рукописей он, как известно, завещал уничтожить. Одно из немногих исключений было сделано для «Истории астрономии», которая, в соответствии с его волей, увидела свет вскоре после его смерти. По-видимому, Смит ценил этот текст достаточно высоко, раз не пожелал, чтобы он был предан огню.

Полное название работы — «Принципы, которые ведут и направляют философские исследования; иллюстрируется на примере истории астрономии». Обсуждению собственно истории астрономии, занимающему примерно 80% текста, предшествуют три небольших раздела, в которых Смит описывает механику человеческого воображения и то, как оно пытается объяснять для себя окружающий мир. По сути, он предлагает здесь свою версию психологии познания.

Согласно Смицу, в возбужденное состояние наше воображение могут приводить три чувства — Изумления (Wonder), Удивления (Surprise) и Восхищения (Admiration), вызываемые соответственно (1) новыми, (2) неожиданными или (3) величественными и прекрасными явлениями. Изумление вызывают экстраординарные и редко встречающиеся события (метеоры,

кометы, затмения и т.д.); удивление возникает при столкновении с неожиданными событиями, которые сами по себе могут быть хорошо знакомы, но которые случаются внезапно, совсем не там, где обычно; наконец, источником восхищения служит все грандиозное, величественное и прекрасное. По поводу чувства изумления Смит делает важное уточнение: оно может вызываться не только уникальными и неповторимыми объектами, но также необычной последовательностью объектов, когда они следуют друг за другом в непривычном порядке, хотя в любом из них самом по себе никакой новизны или необычности нет [Смит, 2014].

По Смиуту, природа заложила в человека непреодолимую потребность к упорядочению всего, с чем ему приходится иметь дело. Любое хаотичное нагромождение событий способно стать причиной сильнейшего психологического дискомфорта: «Разум приходит в <...> смятение и ввергается в пучину беспорядка (disorder), наблюдая длинные ряды событий, следующих друг за другом в необычной последовательности» [Там же, с. 903]. Когда нам не удастся связать два последовательных события друг с другом, так что между ними обнаруживается «нечто вроде бреши или разрыва», «воображение впадает в нерешительность, на время останавливается на границе этого интервала» и «стремится найти что-то, что могло бы заполнить эту брешь» [Там же, с. 900]. Снять это психологическое напряжение может только «предположение о существовании цепочки промежуточных, хотя и невидимых (invisible), событий, следующих друг за другом в последовательности, которая уже похожа на привычную нашему воображению и таким образом могущую связать эти два разъединенных между собой явления» [Там же, с. 900–901]. После обнаружения связующей цепочки промежуточных событий изумление исчезает, ибо устраняется то, что ранее мешало гладкому ходу воображения [Там же, с. 901–902]. Однако это бывает под силу только искусственному, философски подготовленному уму: невнимательные и неискусшенные наблюдатели, которым, несмотря на все их усилия, не удастся отыскать промежуточные звенья, связывающие разрозненные события, «испытывают сначала растерянность, затем головную боль, а после и вовсе начинают сходить с ума» [Там же, с. 902].

По словам Смита, философию можно рассматривать «как одно из тех искусств, которые обращаются к воображению», поскольку она представляет собой науку «о принципах связи в природе» [Там же, с. 905]. В этом качестве она выступает как своего рода «транквилизатор» [Buchan, 2003, p. 125]: «Философия, обнаруживая невидимые цепочки, которые связывают вместе все эти разрозненные объекты, стремится внести порядок в этот хаос раздражающих и не согласующихся друг с другом явлений. Это делается для того, чтобы успокоить смятение воображения и возратить его (restore), когда оно обзревает великие революции вселенной, в прежнее состояние покоя и самообладания, которые и наиболее приятны сами по себе, и наиболее

соответствуют его природе» [Смит, 2014, с. 905]. Скажем, солнечные и лунные затмения некогда возбуждали в человечестве «ужас и восхищение», но с момента открытия связующей цепи, присоединившей «их к привычному ходу вещей», они уже «больше не изумляют»: место изумления заняло одно только восхищение их красотой [Там же, с. 902].

Однако философия — это продукт цивилизации. Раздел «О происхождении философии» Смит начинает с обсуждения того, как до ее появления справлялись с чувством изумления дикари и язычники: «Еще в первые века формирования общества, до становления права, порядка и охраны от врагов, человечество делало слабые попытки найти те скрытые цепочки событий, которые объединяли, казалось бы, не связанные между собой явления природы. Дикарь, чьи средства существования зависели от непредвиденных обстоятельств, чья жизнь каждый день подвергалась серьезной опасности, совершенно не имел склонности занимать свое внимание поиском бесполезных истин» [Там же, с. 907–908].

У дикаря изумление вызывали только грандиозные иррегулярные события, нарушавшие обычный порядок вещей, — такие, как кометы, затмения, громы и молнии. Они внушали ему благоговейный страх, причем их непостижимость («каким образом они появились, как они протекают, что происходило до их появления и что будет после них») повергала его в еще больший испуг и ужас [Там же, с. 908]. Охваченный трепетом, он был готов поверить в любые сведения о таких явлениях. Как выразился британский историк экономической мысли Г. Кеннеди, невежество порождает паранойю [Kennedy, 2009a, p. 243]. Вместе с тем какие-то иррегулярные события могли оказываться благоприятными (радуга, спокойное море, обильный урожай) и восприниматься поэтому с радостью и благодарностью. Но и в том и в другом случае дикарь чувствовал свое бессилие и был склонен объяснять такие отклонения от обычного порядка вещей вмешательством неких разумных, хотя и невидимых существ: «Для дикаря всякий объект природы, в достаточной мере значимый по своей красоте или величию, полезности или пагубности для того, чтобы привлечь к себе внимание, и чьи проявления к тому же не обладают совершенной регулярностью, — такой объект представляется действующим под управлением некой невидимой (*invisible*) и созидающей (*designing*) силы» [Смит, 2014, с. 909, с изменениями].

С этим Смит связывает возникновение политеизма, и именно в этом контексте в «Истории астрономии» появляется «невидимая рука», принадлежащая верховному богу римлян Юпитеру:

Отсюда <...> происхождение Политеизма и того вульгарного суеверия, которое приписывает все иррегулярные события в природе благосклонности или недовольству разумных, хотя и невидимых (*invisible*), существ — богов, демонов, ведьм, духов и фей. Следует отметить, что во всех политеистических религиях, среди дикарей, так же как и на ранних этапах языческой

античности, только эти иррегулярные явления природы приписываются деятельности и власти их богов. Огонь обжигает, а вода охлаждает; тяжелые тела падают вниз, а более легкие вещества улетают вверх согласно их собственной природе; никакого участия *невидимой руки* Юпитера в таких случаях никогда не предполагается. Однако громы и молнии, бури и сияние солнца, равно как и другие еще более иррегулярные события, приписывались его гневу или милости. Человек, единственная следующая своим замыслам сила, с которой дикари были знакомы, никогда не действовал иначе кроме как для того, чтобы либо остановить, либо изменить ход природных явлений, которому бы те следовали, будь они предоставлены самим себе. Те другие разумные существа, которых дикари рисовали в своем воображении (*imagined*), но которых не знали, естественно, как предполагалось, действовали в такой же манере — не для того, чтобы участвовать в поддержании обычного хода вещей, которому те стали бы следовать предоставленные самим себе, а для того, чтобы его останавливать, нарушать или расстраивать. И потому в первые века существования мира философию заменяло самое низкое и малодушное суеверие [Смит, 2014, с. 909–910, с изменениями; курсив мой. — Р. К.]⁴.

В этом ключевом отрывке следует выделить несколько моментов. Во-первых, выражение «невидимая рука» используется не в метафорическом, а в прямом, буквальном смысле (на римских монетах Юпитер изображался держащим в руке молнию). Во-вторых, «невидимая рука» не выражает какого-либо абстрактного принципа, а является физическим атрибутом конкретного божества — Юпитера (важно, что это бог языческий, а не христианский). В-третьих, «невидимая рука» оказывается наделена негативными коннотациями и отношение к ней Смита однозначно критическое: ссылки на ее вмешательство представляют «самое низкое и малодушное суеверие», это проявление страха и невежества людей, не вкусивших благ цивилизации. Как он подчеркивает, тем, кто за любыми иррегулярными явлениями усматривал руку Юпитера, был перепуганный и невежественный римлянин⁵. В-четвертых, по представлениям дикарей и язычников, объяснения требо-

⁴ Смит повторяет ту же мысль в другой своей работе по истории древней физики: «В первые века существования мира кажущаяся нерегулярность явлений природы так смущала людей, что они отчаялись обнаружить в ее действиях какую-либо регулярную систему. Их невежество и спутанность мыслей неизбежно порождали то малодушное суеверие, которое почти каждое неожиданное событие приписывало произвольной воле каких-то созидających (*designing*), хотя и невидимых существ, которые производили его для достижения какой-то своей конкретной личной цели» [Smith, 1980, p. 112–113].

⁵ Г. Кеннеди усматривает здесь замаскированные нападки на попытки языческих религий объяснять явления природы [Kennedy, 2009b]. Основная мысль, которую проводит Смит, заключается в том, что на протяжении веков изучение природных явлений, привлекавших внимание философов, раз за разом прорывало завесу невежества и суеверий, исходивших от религиозных верований в невидимые существа.

вали только аномалии, выламывающиеся из регулярного порядка вещей, тогда как сам он ни в каких объяснениях не нуждался и воспринимался ими как само собой разумеющийся, не вызывая ни малейшего изумления. Если регулярные события приписывались естественным свойствам вещей, то иррегулярные — капризной воле богов. Соответственно, «невидимая рука» предстает как орудие нарушения естественного («нормального») порядка, а не как средство его поддержания. В-пятых, в роли нарушителей обычного порядка вещей боги уподобляются людям: стремясь к достижению собственных целей, и те, и другие своими действиями его отменяют, коречат, ломают. Перед нами очевидная проекция антропоморфизма на природный мир. В-шестых, как дикари, так и философы используют для своих объяснений сущности, которые являются невидимыми. Но в первом случае это пребывающие в иных мирах сверхъестественные личностные акторы («невидимые существа»), тогда как во втором — скрытые от глаз безличные природные силы («невидимые промежуточные объекты»). В-седьмых, если вмешательство «невидимой руки Юпитера», на которое ссылаются язычники, подрывает естественный порядок (см. выше), то «невидимые промежуточные звенья», которые при изучении природы обнаруживают философы, напротив, призваны его восстанавливать. В-восьмых, если до рождения философии любые значимые изменения рассматривались людьми исключительно как результат сознательного замысла неких разумных существ, то после ее появления они начали рассматриваться как продукт действия бессознательных природных сил. И последнее: в отрывке из «Истории астрономии» нет никаких следов идеи, с которой выражение «невидимая рука» ассоциируется чаще всего, когда преследование индивидами собственного частного интереса непреднамеренно приводит к благу для всего общества.

Ненадежность существования дикарей и их постоянная подверженность самым различным опасностям не давали им ни времени, ни стимулов к размышлениям о необычных явлениях природы. Лишь с приходом цивилизации у людей появилось достаточно свободного времени, чтобы предаваться философским занятиям, позволившим бросить вызов суеверным фантазиям мистиков и шаманов: «Однако, когда закон установил порядок и безопасность, а существование перестало зависеть исключительно от непредвиденных обстоятельств, любознательность человечества стала расти, а страхи уменьшились. Свободное время, которого стало больше, подталкивало людей к более внимательному наблюдению за явлениями природы, к изучению мельчайших странностей и нерегулярностей; и пробуждало в них большее желание узнать, какова та цепь, что связывает эти явления воедино» [Смит, 2014, с. 910, с изменениями]. Все это сделало их менее склонными ссылаться при построении связующих цепочек событий на вмешательство невидимых существ, вызывавших страх у их невежественных предков [Там же].

Тем не менее и в современных обществах большинство людей остаются слепы к этой тонкой работе по отысканию невидимых промежуточных связей между отдаленными друг от друга событиями. Связи, открываемые философами, «представляют собой такие комбинации событий, которые не останавливают воображение основной массы человечества: они не возбуждают ни Изумления, ни осознания того, что между ними отсутствует строгая связь» [Смит, 2014, с. 904, с изменениями]. Как следствие, развитие философии (читай — науки) не устраняет невежества и предрассудков даже среди образованной публики. Так, множество «малодушных суеверий» было перенесено в учения и практику современных религиозных доктрин [Kennedy, 2009b]. В этом смысле вера в «невидимую руку» Юпитера никуда не исчезла, а просто приняла иные, более изощренные формы.

«ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ»: НЕВИДИМАЯ РУКА — 2

Отрывок из «Теории нравственных чувств» (1757) с упоминанием «невидимой руки» отличается высокой концентрацией множества разных, подчас парадоксальных идей и представляет, наверное, наибольшие трудности для интерпретации. Он находится в главе 3 третьего отдела первой части книги с говорящим названием «Об извращении наших нравственных чувств привычкой восхищаться богатыми и знатными людьми и презирать людей бедных или незнатного происхождения или пренебрегать ими». В ней Смит обсуждает, какое влияние на поведение людей оказывает богатство — почему они к нему стремятся, ему завидуют и им восхищаются, а также к каким последствиям для отдельного человека и для всего общества это приводит. В ходе этого обсуждения возникает фигура «гордого и бесчувственного землевладельца», который не думает ни о ком кроме себя, но который, несмотря на это, поддерживает жизнь тысяч совершенно безразличных ему людей:

Природа не без цели побуждает гордого и бесчувственного землевладельца оглядывать жадными глазами свои обширные владения и пожирать в своем воображении покрывающие их богатые жатвы, не помышляя ни на одну минуту о потребностях своих ближних. Последний подтверждает собой известную поговорку о глазах более жадных, чем брюхо. Его желудок не находится в соответствии с безграничностью его желаний и не может вместить в себя больше, чем желудок простого крестьянина. Он поневоле должен распределить часть того, что потребить не в состоянии, среди тех, кто бы приготовил для него самым изысканным способом то небольшое количество пищи, какое он может съесть; среди тех, кто бы соорудил и украсил занимаемый им дворец, в котором он мог бы это немного съесть; среди тех, кто бы снабдил его и содержал в порядке всевозможные безделушки и побрякушки (baubles and trinkets), которые могли бы использоваться им для поддержания своего величия. Все эти люди получают от его роскоши и прихотей ту долю предметов жизненной необходимости, которую они тщетно

ожидали бы от его человеколюбия и его справедливости. Во все времена продукт Земли поддерживает примерно такое количество жителей, которое он способен поддержать. Только богатые избирают из общей массы самое изысканное и приятное. В сущности они потребляют не более, чем бедные. Несмотря на свою естественную алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они имеют в виду только свои собственные удобства, несмотря на то, что единственной целью, на достижение которой направляется труд всех тех тысяч, которых они используют, является удовлетворение их суетных и ненасытных желаний, они разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. Они оказываются ведомыми некоей *невидимой рукой*, которая заставляет их производить примерно такое же распределение предметов жизненной необходимости, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого намерения и ничего о том не зная, он содействует интересам общества и предоставляет средства для умножения человеческого рода. Провидение, разделив землю между небольшим числом знатных хозяев, не позабыло и не оставило тех, кто, казалось бы, был исключен из раздела земли. Они также получают свою долю из всего, что производится ею. Что же касается того, что составляет истинное счастье человеческой жизни, то они стоят несколько не ниже тех, кто, казалось бы, поставлен намного выше них. Относительно телесного здоровья и душевного покоя все различные слои общества находятся примерно на одном уровне, и греющийся на солнышке у дороги нищий обладает таким чувством безопасности, к которому короли лишь стремятся [Смит, 1997, с. 184—185, с изменениями; курсив мой. — Р. К.]

Для начала попробуем выделить основные темы, заявленные Смитом в этом фрагменте: 1) поведение «гордого и бесчувственного землевладельца», жаждущего богатства, мотивировано иллюзией и, следовательно, нерационально; 2) столкновение с реальностью (недостаточная вместимость желудка) заставляет его модифицировать свои цели, которые тем не менее остаются эфемерными (погоня за «безделушками и побрякушками»); 3) при всем своем эгоизме и алчности он вынужден делиться частью своего богатства (урожая с его полей) с множеством других людей; 4) с точки зрения потребления предметов жизненной необходимости между ним и последним бедняком почти нет различий (неравенство существует только в потреблении предметов роскоши — «безделушек и побрякушек»); 5) численность населения всегда находится в строгом соответствии с плодородием земли; 6) распределение предметов жизненной необходимости остается примерно одним и тем же независимо от того, как распределена земельная собственность — равными или совершенно неравными долями; 7) обеспечивая практически равное распределение предметов жизненной необходимости, «гордый и бесчувственный землевладелец» служит благу всего общества (обогащению и преумножению человеческого рода), хотя это не входит в его намерения,

в чем проявляется действие стоящей за его спиной «некой невидимой руки»; 8) относительно этого своего содействия общественному благу он пребывает в полном неведении, и стремление к нему никогда не входит в его цели; 9) «истинное счастье» также распределяется между людьми более или менее равномерно независимо от их богатства и статуса, так что поведение «гордого и бесчувственного землевладельца», надеющегося стать счастливее благодаря все большему и большему богатству, предстает как вдвойне нерациональное.

Перед тем как обратиться к фигуре «гордого и бесчувственного землевладельца», Смит задается общим вопросом: почему богатство кажется людям таким желанным и они видят в нем источник счастья? Здесь, по его мнению, действуют два мощных мотива.

Первый мотив — это стремление отличаться от других людей, выделяться из общей массы, привлекая к себе внимание окружающих: «Богатство и внешние почести <...> имеют <...> то преимущество <...> что непосредственное и полнее удовлетворяют столь естественное для человека пристрастие ко всему, что может отличить его от прочих людей» [Смит, 1997, с. 168, 183]. Все дело в том, что, живя в обществе, «мы обращаем больше внимания на мнения прочих людей, чем на собственные наши чувства, и на занимаемое нами место смотрим постоянно не с этого самого места, а с точки зрения на него прочих людей» [Там же, с. 183]. Завистливое внимание окружающих к нашему богатству позволяет нам чувствовать себя особенными, не такими, как все.

Второй мотив — это врожденная склонность людей пленяться красотой упорядоченности и функциональности попадающих в поле их зрения предметов, пусть даже самых бесполезных. Под ее влиянием они буквально на каждом шагу занимаются подменой целей средствами и оказываются крайне далеки от того, чтобы, говоря современным языком, «максимизировать полезность»: «В любом произведении человеческого искусства его соответствие своему предназначению (fitness), его удачное и хитроумное устройство часто ценится больше, чем сама цель, ради которой оно и было задумано» [Smith, 2006, р. 161]; «Точная приспособленность средств к достижению какого-либо удобства или удовольствия сильнее привлекает к себе наше внимание, чем само это удобство или удовольствие, в достижении которых, казалось бы, и заключается их смысл» [Ibid.]. Вещи зачаровывают своей функциональностью и влекут к себе не столько потому, что полезны, сколько потому, что соответствуют тому, ради чего были созданы, внося порядок и регулярность в окружающую людей среду. Только поэтому дворцы, сады, экипажи и свита, принадлежащие знати, возбуждают всеобщее вожделение.

Как замечает Смит, вещи кажутся нам желанными только потому, что они искусно изготовлены и идеально соответствуют своему предназначению, даже если цели, которым они служат, совершенно ничтожны: «Нас очаровывают красота и удобства, присущие дворцам знатных людей; мы восхищаемся искусству, с которым расположены в них все предметы с целью умножить

удовольствия этих людей, предупредить их нужды, исполнить их капризы, удовлетворить и возбудить их самые пустяковые желания. Тем не менее если бы мы рассмотрели как следует то удовольствие, какое действительно может быть доставлено этими благами независимо от их красоты, искусности и целесообразности, то оно во всяком случае показалось бы нам в высшей степени презренным и ничтожным. Но мы редко взираем на это с такой абстрактной и философской точки зрения. В своем воображении мы естественным образом смешиваем порядок, правильное и гармоничное движение системы, механизма или хозяйства (оесоному), посредством которых производится это удовольствие, с ним самим» [Смит, 1997, с. 184, с изменениями].

По Смиту, «полезность» предметов в качестве мотиватора поведения зачастую не так важна, как их «красота». Человеческая деятельность в его понимании направляется не столько экономическими, сколько эстетическими соображениями: и хижина, и дворец служат убежищем от непогоды, но красота, заключенная в целесообразном устройстве дворца, заставляет соискателей богатства ни свет ни заря покидать постели, отправляясь на заработки средств, необходимых для приобретения таких прекрасных вещей. Отсюда — безудержная погоня за предметами роскоши, всевозможными «безделушками и побрякушками», не стоящими усилий по их получению: «Сколько же людей разоряется, тратя деньги на приобретение самых пустых предметов! И предметы эти нравятся им не столько своей полезностью, сколько своей способностью быть полезными. Они наполняют ими свои карманы, а потом приказывают сделать себе новые карманы, чтобы таскать с собой большее их количество. Ходят они обвешанными множеством дорогих побрякушек, которые составляют такой же груз, как содержимое ящика разносчика; некоторые из них представляют кое-какое удобство, но вообще обойтись без них весьма нетрудно, а действительно доставляемая ими польза вовсе не такова, чтобы стоило труда таскать их с собой» [Там же, с. 181].

В результате богатство не делает людей счастливее, но лишь гипнотизирует их обилием искусно придуманных приспособлений, которые благодаря ему могут становиться доступными: «Люди так завидуют богатым и знатым <...> не столько по причине больших и более изысканных удовольствий, которыми, как мы полагаем, они пользуются, сколько по причине множества искусственных средств, находящихся в их распоряжении для получения удовольствий. Мы не считаем, чтобы они были счастливее прочих людей, но полагаем, что они обладают большими средствами быть счастливыми, и потому главным образом завидуем их положению, ибо в нем изящно и искусно соединены эти средства» [Там же, с. 183]. Богатые и бедные одинаково счастливы, если у кого-то здесь и есть преимущество, то скорее у бедных: «Не думают ли они, что пищеварение совершается легче или что сон бывает сладостнее во дворце, нежели в хижине? Наоборот, всякому известно, что часто замечалось нечто противоположное» [Там же, с. 69].

Вера в то, что богатство способно быть источником счастья, — великий обман, причем обман, побуждающий людей к безостановочной активности, чаще всего — в ущерб собственному благополучию⁶.

Смит раскрывает эту мысль на примере трагической судьбы сына бедняка, которого «небеса в своем гневе наделили честолюбием» [Smith, 2006, p. 162]. Он воображает, что если бы жил во дворце, ездил в экипаже и имел множество слуг, то «был бы совершенно счастлив и доволен, так что не в силах был бы исчерпать всего счастья, порождаемого в нем одним представлением о подобном положении» [Смит, 1997, с. 182]. «Мысль о таком отдаленном благополучии, — пишет Смит, — приводит его в восхищение; он смотрит на подобное существование как на привилегию высших существ» [Там же]. Отказавшись от «настоящего спокойствия», которое было «всегда в его власти», сын бедняка тратит затем всю свою жизнь на то, что трудится в поте лица, терпит физические лишения и душевные муки, не знает ни минуты покоя, служит тому, кого ненавидит, и пресмыкается перед тем, кого презирает [Там же]. Только позже, уже став богатым человеком, он понимает, что счастье его призрачно, что он не смог получить тех удовлетворений, к которым стремился, и что богатство не стоило тех тревог, страхов и печалей, которым он подвергался, приобретая его. С приближением смерти он начинает сознавать, что богатство и знатность — это «пустышки, имеющие ничтожную полезность и способные доставлять наслаждение телу или спокойствие душе не больше, чем футляры для шипчиков, которыми кичатся любители подобных мелочей» [Smith, 2006, p. 162]. Он уже не находит, что «почести и богатство заслуживали предпринятой им тяжелой погони за ними», и «он проклинает свое честолюбие, он тщетно сожалеет о счастливой и беззаботной юности и о навеки утраченных доступных ему радостях, которыми он не раздумывая пожертвовал ради благ, обладание которыми вовсе не доставляет прочного счастья» [Смит, 1997, с. 183]. Он осознает также, что богатство сделало его жизнь менее безопасной, поскольку в таком положении чаще, чем в каком-либо ином, человек «подвергается тревогам,

⁶ В описании Смита поведение «гордого и бесчувственного землевладельца» (и шире — всех, кто стремится к богатству) имеет мало общего с моделью рационального выбора, хотя часто утверждается, что именно он стоял у ее истоков. По Смиту, люди совершают выбор и многим жертвуют ради того, чтобы получать результаты, которые в конечном счете принесут им мало пользы (счастья) или не принесут никакой пользы вообще [Brewer, 2009]. Такое поведение, питающееся иллюзиями, едва ли подходит под определение «рационального». В отличие от этого *Homo oeconomicus* неоклассической теории никогда не заблуждается по поводу структуры собственных предпочтений, обладая о них совершенной информацией. Он точно знает, что для него хорошо, а что плохо, в том смысле, что у него есть стабильный набор предпочтений, что он действует рационально на их основе (таким образом выявляя имеющиеся у него предпочтения своими действиями) и что его благополучие улучшается при всяком переходе от менее к более предпочитаемому им состоянию. Все это крайне далеко от смитовских взглядов на природу человека.

страданиям, опасностям, болезням и смерти» [Там же, с. 184]. Смит сравнивает обладание богатством с неустойчивым строением, возведение которого «требуется целой жизни», но которое ежеминутно грозит засыпать человека «своими обломками»: оно может охранить его «от легкой летней грозы, но не в силах защитить его от жестокой непогоды и зимней стужи» [Там же, с. 183–184].

Те же самые иллюзии направляют поведение «гордого и бесчувственного землевладельца». Очарование порядком и совершенством заставляет его любоваться принадлежащими ему обширными полями, которые так хорошо соответствуют своему предназначению, и воображать, какой огромный урожай может быть от них получен и затем направлен на его пропитание. Им движут исключительно «эгоизм и алчность», и его совершенно не волнуют нужды ближних. Однако когда урожай собран, ограниченность размера его желудка вынуждает его задуматься над тем, как распорядиться излишком сверх собственного потребления и запаса семян на следующий год. Он мог бы оставить гнить это зерно на полях или в амбарах, но тогда его крепостные или арендаторы, оставшись без еды, не пережили бы зиму, чтобы засеять его поля следующей весной. Он лишился бы также возможности приобретать предметы роскоши («безделушки и побрякушки»), удовлетворяющие его прихоти и причуды. Поэтому ему не остается ничего другого, как распределить излишек среди всех тех, кто на него работает или оказывает ему услуги: «Он поневоле должен распределить часть того, что потребить не в состоянии, среди тех, кто бы приготовил для него самым изысканным способом то небольшое количество пищи, какое он может съесть; среди тех, кто бы соорудил и украсил занимаемый им дворец, в котором он мог бы это немного съесть; среди тех, кто бы снабдил его и содержал в порядке всевозможные безделушки и побрякушки, которые могли бы использоваться им для поддержания своего величия» [Там же, с. 185, с изменениями]. Если бы он не обеспечивал средствами существования работников, которые на него трудятся, и вооруженных вассалов, которые защищают его собственность от других землевладельцев, от недовольных бедняков и от иностранных захватчиков, то все его амбиции по удовлетворению своих «суетных и ненасытных желаний» были бы перечеркнуты.

Но, как поясняет Смит, землевладелец не раздает излишек своего урожая *даром* из человеколюбия или чувства справедливости: он *обменивает* его на желательные для себя предметы. Таким образом, ограниченная вместимость желудка не делает из него альтруиста: она всего лишь перенаправляет его эгоизм в другое русло — от продуктов питания к предметам роскоши. Те же два желания, те же две иллюзии заставляют его гнаться за всевозможными «безделушками и побрякушками» безотносительно к их реальной полезности: во-первых, стремление как можно сильнее отличаться от окружающих, привлекая к себе их внимание, и, во-вторых, стремление иметь как

можно больше красивых и искусно сделанных вещей, способных очаровывать своей упорядоченностью и целесообразностью⁷.

Однако, распределяя излишек своего урожая, землевладельцы вынуждены соблюдать жесткое условие: объем средств существования, достигающих каждого, кто на них работает, должен быть не ниже уровня, достаточного для поддержания жизни человека. В противном случае их «величие» рухнуло бы: большая часть человечества просто исчезла бы с лица земли, так что не нашлось бы никого, кто стал бы удовлетворять их «суетные и ненасытные желания».

Отсюда Смит делает два парадоксальных вывода. Первый: с точки зрения потребления предметов жизненной необходимости в любом обществе существует практически полное равенство. Богатые едят *лучше* (им достаются более «изысканные и приятные» продукты), но не намного *больше*, чем бедные. Второй: неравенство земельной собственности почти не влияет на уровень жизни большинства людей. И при равном, и при абсолютно неравном распределении земли он остается приблизительно одним и тем же⁸.

Эти выводы могут показаться странными, но нужно учитывать, что они относятся к «мальтузианскому» миру — миру, в котором человечество жило тысячелетиями. В нем любое снижение плодородия земли вело к сокращению численности населения (из-за недоедания смертность возрастала и выживших становилось меньше), а любое повышение, напротив, вело к увеличению его численности (из-за лучшего питания снижалась смертность, выживших становилось больше и росла рождаемость). По существу именно это имеет в виду Смит, когда утверждает, что «во все времена продукт Земли поддерживает примерно такое количество жителей, которое он способен поддержать». По этой причине уровень жизни основной части населения при любых условиях остается примерно одинаковым: любое повышение душевого

⁷ В раннем Средневековье, когда предметов роскоши было мало, землевладельцы пренебрегали своей землей. Когда на рынке появились привлекательные промышленные товары, у них появились стимулы заняться улучшением принадлежащих им земель, а также начать сдавать их в пользование арендаторам ради увеличения своего дохода [Смит, 2007].

⁸ В «Богатстве народов» на примере Рима Смит подробно прослеживает, как общества могут переходить от равного к неравному распределению земли: «Рим, как и большинство других древних республик, первоначально имел своим основанием аграрный закон, деливший общественную территорию в известной пропорции между гражданами, которые составляли государство. Обычное течение человеческих дел в результате браков, перехода по наследству, отчуждения неизбежно нарушало этот первоначальный раздел и часто передавало в обладание одного-единственного лица земли, которые были предоставлены для содержания многих семейств. Для устранения такого ненормального положения (ибо оно считалось ненормальным) был издан закон, ограничивавший количество земли, которым мог обладать отдельный гражданин, 500 югерами, или приблизительно 350 акрами. Однако закон этот игнорировался или обходился, хотя мы читаем о применении его в одном или двух случаях, и неравенство состояний все более усиливалось» [Смит, 2007, с. 533].

потребления сверх некоторого минимального порога «съедается» последующим ростом численности населения, а любое его падение ниже этого порога компенсируется последующим сокращением численности населения.

В мальтузианском мире, когда земля поделена поровну между всеми, каждый участок будет поддерживать такое число людей, при котором их душевое потребление окажется примерно равным прожиточному минимуму. Когда землей владеют немногочисленные крупные собственники, их расходы на предметы роскоши также будут поддерживать душевое потребление работников и членов их семей примерно на том же самом минимальном уровне. Независимо от раздела земли «некая невидимая рука» обеспечивает равномерное распределение предметов жизненной необходимости между всеми членами общества⁹.

По Смиту, неравное владение землей ведет лишь к неравному распределению предметов роскоши, но практически не затрагивает распределение предметов жизненной необходимости (таких, как еда или жилье). А поскольку «истинное счастье» не связано с богатством и обладанием всякого рода «безделушками и побрякушками», то и в этом отношении между людьми разного звания и достатка должно наблюдаться фактическое равенство: «Относительно телесного здоровья и душевного покоя все различные слои общества находятся примерно на одном уровне». Итак, если неравенство и существует, то только во владении предметами роскоши, тогда как в отношении предметов жизненной необходимости и общей удовлетворенности жизнью «невидимая рука» обеспечивает состояние, близкое к полному равенству¹⁰.

Отношение Смита к жажде богатства, столь распространенной среди людей, можно назвать амбивалентным. С одной стороны, он отмечает, что «наша готовность восхищаться богатыми и знатными людьми, даже почти

⁹ Можно сказать, что «невидимая рука» нейтрализует потенциальное негативное действие концентрации земли в руках горстки крупных собственников, позволяя человечеству продолжать размножаться и увеличивать свою численность несмотря на повсеместное безземелье.

¹⁰ Смит возвращается к этой аргументации позднее в «Богатстве народов»: «Богатый человек потребляет не больше пищи, чем его бедный сосед <...> Но сравните обширный дворец и большой гардероб одного с лачугой и немногими лохмотьями другого, и вы увидите, что различие в их одежде, жилище и домашней обстановке почти одинаково велико как в отношении количества, так и качества. Стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка, но стремление к удобствам и украшению жилища, одежды, домашней обстановки и утвари не имеет, по-видимому, предела или определенных границ. Поэтому те, кто обладает большим количеством пищи, чем могут сами потребить, всегда готовы обменять излишек ее <...> на удовлетворение указанных потребностей другого рода. Все то, что остается после удовлетворения потребностей, имеющих определенную границу, затрачивается на удовлетворение тех потребностей, которые не могут быть полностью удовлетворены, а кажутся вообще не имеющими границ. Бедняк для того, чтобы добыть пищу, изощряется в удовлетворении этих прихотей богатых» [Там же, с. 206].

поклоняться им <...> представляется первоначальной и главной причиной извращения наших нравственных чувств» [Смит, 1997, с. 78, с изменениями]. Соответственно, в этической перспективе «эгоизм и алчность» «гордого и бесчувственного землевладельца» предстают как безусловные пороки: он никогда не думает о своих ближних и был бы готов в одиночку поглотить весь свой урожай, если бы это было физически возможно. Его единственная цель — удовлетворение «своих суетных и ненасытных желаний». Говоря о нем, Смит прибегает к эпитету «эгоистичный» (selfish), который всегда несет в его текстах негативные коннотации и который прочно ассоциировался у него с идеями Б. Мандевилля. «Эгоизм и алчность» «бесчувственного землевладельца» описываются в уничижительном смысле как свидетельствующие о его полном пренебрежении к своим ближним. Но нравственная оценка и социальные последствия — это не одно и то же.

Иллюзии, которые питают «гордого и бесчувственного землевладельца», оказываются благотворными для общества, вызывая в нем необыкновенный прилив энергии. Хотя богатство не гарантирует счастья, его притягательность, какой бы обманчивой она ни была, желательна и полезна, потому что стимулирует технологическое, экономическое и культурное развитие. Можно сказать, что Смит прославляет самообман как источник социального прогресса: «Хорошо, что сама природа обманывает нас в этом отношении. Именно эта иллюзия пробуждает и держит в постоянном движении трудолюбие человечества. Именно она побуждает возделывать землю, строить дома, основывать города и государства, изобретать и совершенствовать все науки и искусства, облагораживать и облегчать человеческую жизнь. Она полностью преобразила земную поверхность, превратив непроходимые дремучие леса в цветущие плодородные равнины; сделала пустынный и бесплодный океан новым источником неведомых до того сокровищ и великой дорогой для сообщения между собой всех народов земного шара. Своей деятельностью человечество заставило землю удвоить свое первоначальное плодородие и питать намного большее число людей» [Smith, 2006, p. 164—165].

Хотя Смит не использует здесь выражение «невидимая рука», он описывает все ту же ситуацию, когда преследование людьми (как, например, землевладельцами) своего частного интереса оборачивается благом для всего общества. Погоня за миражом богатства, устоять перед которым мало кто в силах, имеет своим долговременным непредвиденным последствием улучшение условий существования человечества и умножение его численности. Причем те, кто таким образом способствует общественному благу, не понимают, как оно связано с их собственными действиями: эта связь остается скрытой от их сознания. То, что конечный результат их деятельности не имеет ничего общего с их исходными намерениями, — это, конечно же, типично смитовский поворот мысли.

Мы помним, что в «Истории астрономии» «невидимая рука» принадлежала конкретному языческому богу — Юпитеру. В отличие от этого в тексте

«Теории нравственных чувств» она остается неатрибутированной: это рука неизвестно чья («некая»), а возможно, вообще ничья. Правда, уже через одну фразу в тексте появляется «Провидение», которое, по словам Смита, позаботилось даже о тех, кто остался без земли, так что возникает соблазн теологической интерпретации, при которой «невидимую руку» следует воспринимать как «невидимую руку Провидения», то есть Бога. Но такое решение далеко не очевидно.

Во-первых, ничто не мешало Смиту написать об этом прямо, добавив к выражению «невидимая рука» пояснение — «Провидения». Во-вторых, для писателей XVIII в. такого рода риторика была в порядке вещей и для многих из них (конечно, не всех) отсылки к Провидению, Всемудрому архитектору, Управителю вселенной, Вожатому вселенной, Смотрителю вселенной и т.д. являлись не более чем фигурой речи («Теория нравственных чувств» содержит множество подобных выражений). В-третьих, в самом начале фрагмента про «невидимую руку» и затем еще раз в следующем абзаце в аргументации Смита появляется «Природа» (она не без цели манит «гордого и бесчувственного землевладельца» миражем богатства и она же обманом побуждает человечество к безостановочной активности). В данном контексте упоминание о «Природе» выглядит как расхожий оборот из того же ряда, что «Провидение», но только не несущий на себе каких-либо теологических коннотаций. Наконец, в «Богатстве народов», как мы убедимся, «невидимая рука» существует уже полностью автономно, без всяких отсылок к Провидению или хотя бы к «мудрости природы».

Поэтому более вероятно, что Смит имел в виду безличный социальный механизм, приводимый в движение не какими-то персонифицированными сверхъестественными силами, а непосредственно самими людьми, взаимодействие которых друг с другом порождает непредвиденные (причем благоприятные для них) последствия, выходящие за горизонт их сознания. Во всяком случае, в соответствующем месте из «Теории нравственных чувств» присутствуют все отличительные признаки такого механизма: «гордый и бесчувственный землевладелец» не хочет служить общественному благу, не подозревает, что он ему служит, и не понимает, как это вообще возможно, но тем не менее своими действиями, направленными исключительно на достижение собственных узкокорыстных целей, непреднамеренно способствует улучшению условий существования человеческого рода и умножению его численности.

Стоит отметить, что «невидимая рука» из «Теории нравственных чувств» не имеет отношения (во всяком случае — текстуально) ни к рынку, ни к конкуренции, ни к механизму цен, с которыми она чаще всего ассоциируется в представлении современных экономистов. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы тут обошлось совсем без рынка: при его отсутствии «гордый и бесчувственный землевладелец» был бы не в состоянии обменивать излишек своего урожая на предметы роскоши («безделушки и побрякушки») и, как след-

ствие, у него отпали бы стимулы повышать плодородие своих земель, чтобы собирать с них как можно больший урожай. В результате человечество продолжало бы жить в худших условиях и его численность была бы меньше.

Что касается утверждения Э. Ротшильд о том, что смитовская ссылка на «невидимую руку» — это не более чем «умеренно ироническая шутка» [Rothschild, 1994], то у него не имеется никаких текстуальных подтверждений. Конечно, Смит с иронией и явным осуждением описывает человеческие качества и цели «гордого и бесчувственного землевладельца», но результаты деятельности «невидимой руки», стоящей за его спиной, изображаются Смитом как однозначно позитивные (с точки зрения человеческого рода). Еще важнее, что в тексте «Теории нравственных чувств» мы обнаруживаем еще одну «руку» — видимую руку правителей государств и их советников. Вот ее Смит действительно подвергает развенчанию и осмеянию, видя в ней постоянную опасность для благоденствия общества:

Человек системы <...> способен в своей самонадеянности начертать весьма мудрый план, но он бывает до такой степени зачарован предполагаемой красотой созданного им идеального плана государственного устройства, что не может потерпеть ни малейшего отклонения от него. Он желает осуществить его полностью и во всех подробностях, не считаясь ни с какими важными интересами и ни с какими распространенными предрассудками, которые могут стоять на его пути. Он, по-видимому, воображает, что различными членами большого общества можно располагать с такой же легкостью, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что фигуры на шахматной доске не имеют никакого другого принципа движения кроме *руки*, переставляющей их, между тем как на великой шахматной доске человеческого общества каждая отдельная фигура имеет свой собственный принцип движения, полностью отличный от того, который мог бы решить навязать ей законодатель. Если оба принципа совпадают и принимают одинаковое направление, то ход игры человеческого общества пойдет легко и слаженно и, скорее всего, окажется успешным и счастливым. Но если они различны или противоположны, то игра будет складываться неудачно и общество с неизбежностью погрузится в состояние величайшего беспорядка [Smith, 2006, p. 212; курсив мой. — *Р. К.*].

Не вызывает сомнений, на чьей стороне в противопоставлении двух рук — невидимой и видимой — находятся симпатии Смита. Если невидимая рука способствует возникновению в обществе порядка, то видимая с легкостью может становиться источником «величайшего беспорядка». Интересно, что причина, по которой Смит отвергает видимую руку государства, выглядит очень по-хайкеовски: законодатель обладает слишком мизерным объемом знаний о конкретных людях, чтобы руководить игрой на «великой шахматной доске» больших, сложно организованных обществ.

«БОГАТСТВО НАРОДОВ»: НЕВИДИМАЯ РУКА — 3

В «Богатстве народов» (1776/2007) упоминание о «невидимой руке» появляется в книге IV («О системах политической экономии») в главе под названием «Об ограничении ввоза в страну таких продуктов, которые могут быть производимы внутри страны». Глава посвящена критике одного из главных направлений меркантилистской политики — установления для отечественной промышленности монополии внутреннего рынка, то есть введения пошлин и прямых запретов на ввоз иностранных товаров, которые страна способна производить сама. По логике меркантилистов, страна тем богаче и могущественнее, чем больше ее капитал, преумножение которого составляет важнейшую цель политики государства. Защищая отечественных производителей от конкуренции из-за рубежа, оно гарантирует им более высокую прибыль, что должно, во-первых, предотвращать утечку капитала и, во-вторых, увеличивать его общее предложение. Как отмечает Смит, в Великобритании многим отраслям удалось таким образом добиться полной или почти полной монополии «по отношению к своим соотечественникам» [Смит, 2007, с. 440].

Апелляция Смита к «невидимой руке» — кульминационный пункт его критики меркантилистской политики. Он не отрицает, что монополия внутреннего рынка может благоприятствовать развитию каких-то отдельных отраслей, привлекая туда больше труда и капитала, чем при свободе торговли. Однако она не способна ни увеличить общий объем, ни повысить эффективность промышленного производства страны. В первом случае меркантилистская политика оказывается бесполезной, потому что промышленность любого «общества не может никогда выходить за пределы, определяемые размером капитала этого общества» [Там же], каковой задается объективными факторами (степенью бережливости людей), а во втором — вообще вредной, потому что попытки государства определить наиболее выгодные сферы приложения капитала обречены на провал: «Никакое регулирование торговли не в состоянии вызвать увеличение промышленности какого-либо общества сверх того, что соответствует его капиталу. Оно может лишь дать некоторой части промышленности такое направление, в каком она без этого не могла бы развиваться, и отнюдь не представляется несомненным, что это искусственное направление более выгодно для общества, чем то, по которому она развивалась бы, если бы была предоставлена самой себе» [Там же, с. 440–441].

По первому пункту (с точки зрения объема капитала) система свободной торговли не уступает меркантилистской системе, а по второму (с точки зрения структуры распределения капитала) ее превосходит. Экономические агенты, думающие только о собственных интересах, так распределяют свои капиталы, что это — неожиданно для всех — совпадает с интересами всего общества: «Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее

выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоду общества. Но когда он принимает во внимание свою собственную выгоду, это естественно или, точнее, неизбежно, приводит его к предпочтению такого приложения капитала, которое наиболее выгодно обществу» [Смит, 2007, с. 441, с изменениями]. (Стоит уточнить, что в данном контексте «торговля» выступает у Смита синонимом любой формы деловой активности.)

Если в «Теории нравственных чувств» героем истории про «невидимую руку» был «гордый и бесчувственный землевладелец», то в «Богатстве народов» им оказывается движимый собственным интересом, но при этом крайне осторожный бизнесмен (торговец, инвестор), размышляющий, как ему лучше распорядиться своим капиталом. Руководствуясь исключительно своими частными соображениями, он делает выбор, во-первых, в пользу отечественного производства и, во-вторых, в пользу тех отраслей, где производимый им продукт достигал бы наибольшей ценности. Но совершая такой выбор, он одновременно, причем без всякого сознательного намерения, содействует благу всего общества:

Годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой ценности всего годового продукта его промышленности или, вернее, именно и представляет собой эту меновую ценность. И поскольку каждый отдельный человек по возможности старается употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности, давая ей такое направление, чтобы ее продукт обладал наибольшей ценностью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не намеревается содействовать интересам общества и не знает, насколько он содействует им. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свою собственную безопасность, а направляя это производство так, чтобы его продукт обладал максимальной ценностью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он оказывается ведом некой *невидимой рукой* к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказать от них [Там же, с. 442–443, с изменениями; курсив мой. — Р. К.]¹¹.

¹¹ В изданиях «Богатства народов» на русском языке слово *security* («безопасность») ошибочно переводится как «интерес», что делает соответствующий фрагмент лишенным смысла.

Как следует из этого фрагмента, «невидимая рука», о которой упоминает Смит, действует через двойную мотивацию человеческого поведения: первая — стремление к безопасности и вторая — стремление к наибольшей выгоде. Говоря современным языком, речь идет о максимизации прибыли при минимизации риска.

1. Согласно Смицу, ведомые стремлением к безопасности, некоторые торговцы (хотя и не все) инвестируют в «отечественную промышленность» (о ней упомянуто шесть раз) вместо того, чтобы рисковать своим капиталом за рубежом. Внутреннюю торговлю они предпочитают внешней и транзитной — и это несмотря на более высокую прибыльность последних. Иными словами, вопреки тому, что обычно пишут о «невидимой руке», в «Богатстве народов» она подталкивает участников рынка к проектам вовсе не с самой высокой прибылью, а с прибылью не выше или даже несколько ниже средней. В понимании Смита ее действие оказывается связано в первую очередь с заботой о безопасности и лишь во вторую — со стремлением к максимальной прибыли. Именно неуверенность в безопасности своего бизнеса заставляет некоторых торговцев действовать так, чтобы способствовать достижению «цели», которая не входит «в их намерения». Инвестируя в отечественное производство и избегая участия в операциях за рубежом, они обеспечивают «доход и занятость наибольшему количеству людей» в своей стране. Такое их поведение, продиктованное чувством осторожности, Смит описывает как непреднамеренно содействующее благу общества.

Причина, по которой не склонные к риску торговцы могут предпочесть внутреннюю торговлю внешней, а ту и другую — транзитной, проста: они будут опасаться выпустить принадлежащий им капитал из-под своего «непосредственного наблюдения и контроля» [Там же, с. 441]. Смит считает вполне естественным, что «каждый человек старается по возможности приложить свой капитал поближе к своему дому и, следовательно, по возможности направить его на поддержку отечественной промышленности при том неизменном условии, что он может таким путем получить обычную или не намного меньшую, чем обычная, прибыль на капитал» [Там же, с. 240, с изменениями]. Он приводит несколько аргументов в пользу такого предпочтения. При занятии внутренней торговлей капитал человека: 1) «никогда не уходит из поля его зрения на столь продолжительное время, как это часто бывает во внешней торговле»; 2) дома он «может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие»; 3) «если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, от которой должен требовать возмещения ущерба» [Там же, с. 441, с изменениями]. Поэтому с наибольшими рисками оказывается сопряжена транзитная торговля, потому что при занятии ею капитал человека «как бы делится между двумя заграничными странами, ни малейшая часть его никогда не возвращается по необходимости домой и не оказывается под его непосредственным наблюдением и контролем» [Там же, с изменениями].

Чтобы избежать дополнительных рисков, связанных с дальней торговлей, часть торговцев соглашаются на более низкую прибыль, если внутри страны их капитал будет находиться в большей безопасности и сроки его возмещения будут короче: «При условии одинаковой или почти одинаковой прибыли всякий оптовый торговец, естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле <...> а внешнюю торговлю <...> — транзитной торговле» [Смит, 2007, с. 441, с изменениями]. Поступая так, он «невидимой рукой» подталкивается к тому, чтобы оставлять капитал внутри страны, оказывая поддержку «отечественной промышленности»: «При одинаковой или почти одинаковой прибыли каждый отдельный человек, естественно, склонен употреблять свой капитал таким способом, при котором он оказывает наибольшее содействие отечественной промышленности и дает доход и занятие наибольшему числу жителей своей страны. <...> И поскольку [он] <...> по возможности старается дать ей такое направление, при котором ее продукт мог бы обладать наибольшей ценностью, постольку он с необходимостью способствует тому, чтобы годовой доход общества становился настолько большим, насколько это возможно» [Там же, с. 442–443, с изменениями].

В результате отпадает стандартное возражение меркантилистов против системы свободной торговли: при ближайшем рассмотрении их опасения относительно того, что в погоне за высокой прибылью такая система будет провоцировать утечку капитала за границу, оказываются беспочвенными [Brewer, 2009]. Свойственное большинству людей стремление к безопасности всегда будет подталкивать их к тому, чтобы не рисковать зря своим капиталом и удерживать возможно большую его часть внутри страны. В этом смысле попытки государства дублировать действие «невидимой руки» предстают как совершенно излишние.

2. Но если в том, что касается регулирования объема капитала, меркантилистские меры бесполезны, то в том, что касается регулирования его структуры, они вредны. Они поощряют развитие ограниченного круга отраслей, которые получают защиту от внешней конкуренции и которые благодаря искусственно высоким прибылям привлекают большую долю труда и капитала, чем было бы при отсутствии государственного вмешательства: «Промышленный труд страны, таким образом, отвлекается от более выгодного к менее выгодному занятию, и меновая ценность его годового продукта, вместо того чтобы увеличиться, как хотел законодатель, должна неизбежно уменьшаться в результате каждого подобного регулирования» [Смит, 2007, с. 444, с изменениями]. Отсюда — субоптимальное распределение капитала и труда страны, что неизбежно подрывает ее благосостояние. Меркантилистские искажения «естественного баланса промышленности» и «естественного разделения и распределения труда» тормозят развитие других, потенциально более прибыльных сфер экономики, тогда как потребители страдают от более высоких цен [Там же, с. 484].

При системе, свободной от монополии внутреннего рынка, таких искажений не возникает, потому что «всякий человек, затрачивающий свой капитал <...> обязательно старается дать ему такое направление, чтобы его продукт обладал возможно большей ценностью» [Там же, с. 442, с изменениями]. Стремление к максимальной прибыли становится еще одним каналом (помимо стремления к безопасности), через который «невидимая рука» проявляет свое действие. Естественные склонности людей побуждают их «непрерывно прилагать усилия» к тому, чтобы находить наиболее выгодное применение своему капиталу [Там же, с. 441, с изменениями]. Однако стремясь при его инвестировании к выгоде только для самих себя, они, не подозревая о том, одновременно приносят выгоду всему обществу: «Частные интересы и стремления отдельных людей, естественно, располагают их обращать свой капитал к занятиям, в обычных условиях наиболее выгодным для общества <...> Без всякого вмешательства закона частные интересы и стремления людей, естественно, заставляют их делить и распределять капитал любого общества среди различных занятий, существующих в нем, по возможности в точном соответствии с тем, что наиболее совпадает с интересами всего общества в целом» [Там же, с. 597]. Таким образом, собственник капитала действует в интересах общества, только если предпринимаемые им в своих собственных интересах действия прибыльны. Он не действует в интересах общества, если эти его действия не приносят прибыли.

В итоге можно сказать, что если стремление к безопасности обеспечивает наилучшее (с точки зрения Смита) географическое, то стремление к наибольшей прибыли — наилучшее отраслевое распределение капитала.

Однако отсюда было бы неверно делать вывод, как нередко утверждают, о тождестве «невидимой руки» с эгоистическим поведением¹². В «Богатстве народов» Смит описывает действия торговцев (в отличие от действий «гор-

¹² Общепринятая трактовка сводится к тому, что, согласно Смиту, все поведение людей (во всяком случае — в «Богатстве народов») направляется единственным мотивом — их сугубо личным, замкнутым на самих себе интересом (self-interest). Однако это явная аберрация. В «Богатстве народов» Смит 35 раз (!) использует нейтральное в этическом смысле выражение «own interest» (собственный интерес) и лишь однажды — выражение с отчетливыми эгоистическими обертонами — «self-interest» (своекорыстный интерес), когда описывает различия в мотивах деятельности католического и протестантского духовенства: «В римской церкви трудолюбие и рвение низшего духовенства гораздо больше поддерживаются могущественным мотивом личной заинтересованности (self-interest), чем, вероятно, в какой-либо признанной протестантской церкви. Многие представители приходского духовенства получают весьма значительную часть своих средств к существованию от добровольных приношений народа — источника дохода, который исповедь дает им много возможностей сделать более обильным. Нищенствующие монашеские ордены все свои средства к существованию получают от таких приношений. К ним применимо то же, что к гусарам и легкой пехоте некоторых армий: не пограбишь, ничего не получишь» [Смит, 2007, с. 729, с изменениями].

дого и бесчувственного землевладельца» в «Теории нравственных чувств»!) не как «эгоистичные», а как движимые «собственным интересом». В его лексиконе это разные понятия, которые он никогда не смешивал. С этической точки зрения «эгоизм» (selfishness) оценивался им негативно и воспринимался как атрибут философии Б. Мандевиля, которую он называл «безнравственной» (licentious) [Смит, 1997, с. 297–303]. В то же время «любовь к себе» (стремление к улучшению своего положения или собственный интерес) оценивалась им как «добродетельное чувство, служащее целям природы» [Force, 2003, p. 87]. Смит рассматривал «заботу о собственном счастье» как необходимый элемент добродетельного поведения [Смит, 1997, с. 293]. Этическое оправдание она получает от диктуемых природой императивов самосохранения и продолжения человеческого рода, и без такой «любви к себе» не могло бы существовать и общего блага. В этом смысле следование собственному интересу в разумных пределах (то есть благоразумие — *prudence*) выступает у Смита как одна из главнейших добродетелей.

В «Теории нравственных чувств» Смит замечает: «Забота о наших собственных интересах и личном счастье <...> может быть побудительной причиной наших поступков, заслуживающих похвалы. Привычки к бережливости, трудолюбию, скромности, рассудительности хотя и вырабатываются обыкновенно благодаря мотивам, связанным с собственным интересом, тем не менее кажутся нам заслуживающими одобрения и общего уважения <...> Если <...> человек не станет обращать внимания на свое здоровье или на свое благосостояние <...> между тем как к этому должно побуждать его чувство самосохранения, то, без сомнения, мы нашли бы его достойным порицания <...> Беспечность и расточительство порицаются <...> не потому, что недостатки эти проистекают от отсутствия благожелательности, но потому, что они свидетельствуют о недостатке внимания к нашим собственным интересам» [Там же, с. 293–294, с изменениями]¹³.

¹³ Вообще по поводу «эгоизма» как поведенческого фундамента «Богатства народов» существует множество недоразумений. Если агент *A*, исходя из «эгоистических» интересов агента *B*, предлагает ему удовлетворить их при помощи некоторой сделки и действительно их удовлетворяет, то кто он сам: эгоист или альтруист? Правильный ответ: «кооперативист», потому что он печется *одновременно* как о собственном благополучии, так и о благополучии своего визави. Именно так ведут себя участники рынка у Смита. Они убеждают своих потенциальных партнеров, что тем будет лучше, если они отдадут менее полезную для них вещь, которая у них есть, в обмен на более полезную для них вещь, которой у них нет. Мысленно они ставят себя на место другого и предлагают ему сделку, исходя из *его* предполагаемых интересов: «Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения. <...> Мы обращаемся не к их гуманности, но к *их* любви к себе и никогда не говорим им о наших нуждах, а об *их* выгодах» [Смит, 2007, с. 76–77, с изменениями; курсив мой. — *Р. К.*].

Позиция Смита не сводится также к тому, что преследование людьми своих собственных интересов должно содействовать интересам общества при любых обстоятельствах, везде и всегда. Чаще всего его высказывания об их совпадении сопровождаются уточняющими оговорками — «во многих случаях», «в обычных условиях», «по общему правилу». (Правда, в некоторых случаях он все же называет такое совпадение «естественным» или «неизбежным».) Так, в ключевой фразе, где появляется «невидимая рука», говорится, что непреднамеренное содействие общественному благу имеет место не только при распределении торговцами своего капитала, но также и «во многих других случаях» [Смит, 2007, с. 443]. Делая такую оговорку, Смит мог иметь в виду две вещи [Syed, 1990].

С одной стороны, что это далеко не единственный пример благотворного действия «невидимой руки» — есть множество других помимо инвестирования капитала. Да, мы можем полагаться на интересы частных лиц, а не на правительственные декреты, когда дело касается поддержания и распределения капитала общества. Но бегство капитала — это лишь один пример из «многих других случаев», когда мы можем рассчитывать на механизм «невидимой руки». С другой стороны, что этот феномен далеко не универсален и существуют обратные примеры, когда преследование людьми собственных интересов вступает в конфликт с интересами общества. Если «невидимая рука» действует избирательно, то непреднамеренные следствия частных действий будут оказываться социально желательными далеко не всегда.

Действительно, комментаторы насчитывают в тексте «Богатства народов» не менее 70 случаев, когда, по наблюдениям Смита, действия индивидов, продиктованные собственным интересом, наносят значительный вред другим или даже всему обществу [Kennedy, 2016]. У него не было сомнений, что «невидимая рука» работает лишь при строго определенных институциональных условиях. В конечном счете именно от них зависит, какой сценарий будет реализован в том или ином случае — согласования или рассогласования частных и общих интересов.

Институциональная рамка, в защиту которой выступал Смит, предстает как прямой антипод меркантилистической системы. Он обозначает ее как «простую и незамысловатую систему естественной свободы» [Смит, 2007, с. 197], а также как «либеральный план равенства, свободы и справедливости» [Там же, с. 181]. Суть ее действительно проста: «Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» [Там же, с. 197]¹⁴. При такой системе «неви-

¹⁴ Отметим, что при цитировании этого знаменитого смитовского высказывания слова о ненарушении «законов справедливости» часто опускают, полностью искажая его смысл.

димая рука» не будет давать сбоев и преследование людьми своих частных интересов будет «естественно» и «неизбежно» приводить к результатам, благоприятным для всех, в то время как законодатель окажется освобожден «от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, более всего соответствующим интересам общества» [Смит, 2007, с. 197].

Как и в «Теории нравственных чувств», в «Богатстве народов» «невидимая рука» остается неатрибутированной — «некой». Но на этот раз аргументация Смита строится уже без каких-либо отсылок к «Провидению» или «Архитектору вселенной»: даже «мудрость природы» упоминается в книге лишь однажды. Соответственно, у нас еще больше оснований относить смитовскую метафору скорее к какой-то «посюсторонней» саморегулирующейся системе, чем приписывать ее какому-то «потустороннему» персонифицированному началу.

В «Богатстве народов» нет также какой-либо явной привязки «невидимой руки» к рынку, конкуренции или механизму цен. Очевидно, однако, что рассуждения Смита о ней строятся исходя из предпосылки о существовании (реальном или потенциальном) конкурентной рыночной системы: всякий человек старается найти своему капиталу «наиболее выгодное приложение»; производство всегда направляется так, «чтобы его продукт обладал максимальной ценностью»; «в каждый данный момент <...> доход» достигает «того максимума, который способен давать <...> капитал»; «при обычных условиях» во всех сферах деятельности устанавливается одинаковая норма прибыли; для промышленности характерен «естественный баланс» [Там же, с. 441, 442, 445, 484].

Наконец, как и в «Теории нравственных чувств», агенты, ведомые «невидимой рукой», не замечают и не осознают ее работы: интересам общества они служат *бессознательно*. Это происходит независимо от того, насколько они невежественны или безразличны к общественному благу.

Упоминание «невидимой руки» в «Богатстве народов» свободно от каких-либо иронических обертонов. Напротив, едким насмешкам вновь подвергается ее антипод — видимая рука государства. При этом Смит не ограничивается утверждением о том, что то, что выгодно отдельному человеку, во многих случаях оказывается выгодно и всему обществу, но и, переверачивая его, делает обратное утверждение о том, что сознательное преследование людьми интересов общества чаще всего идет ему во вред: те, кто заявляет, что действует только во имя его блага, почти никогда не приносят ему ничего хорошего [Там же, с. 443]. Вмешательство видимой руки государства (отметим очередное появление в этом контексте слова «рука») он отвергает по той же, что и в «Теории нравственных чувств», «хайековской» причине — из-за неизбежных информационных ограничений, в которых вынужден действовать всякий законодатель. Претензии правителей

на регулирование «великого общества» (great society) выглядят в его глазах как «безумие»:

Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей ценностью. Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в *руках* человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть [Там же, с. 443; курсив мой. — Р. К.].

Именно это ложное представление — о всеведении правителей — явно лежало в основании всего арсенала меркантилистских мер по регулированию экономики. Существование «невидимой руки» служит основанием для итогового нормативного вывода Смита: «В интересах всякого общества, чтобы в подобного рода делах [экономических. — Р. К.] не было ни принуждения, ни стеснения» [Там же, с. 508].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Метафора «невидимой руки» — многослойная конструкция, ставящая перед исследователями немало сложных вопросов. Каковы сходства и различия между «невидимыми руками» из трех смитовских текстов? Насколько важное место она занимала в его исследовательской программе? Насколько адекватны исходному замыслу Смита ее трактовки современными авторами?

Три или одна? По вопросу о соотношении между тремя версиями смитовской метафоры «невидимой руки» (в «Истории астрономии», «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов») мнения историков экономической мысли радикально расходятся. Одни полагают, что они идентичны и иллюстрируют одну и ту же идею [Macfie, 1971; Minowitz, 2004; Klein, 2009], другие — что между ними нет ничего общего и каждая имеет свой особый смысл, отличный от других [Grampp, 2000; Kennedy, 2009a]. Вместо того чтобы присоединяться к какой-либо из этих крайних позиций, мы пойдем иным путем, попытавшись выделить сходства и различия между разными случаями употребления этой метафоры в текстах Смита.

1. «Невидимая рука» в «Истории астрономии» отражает точку зрения «невежественного римлянина», тогда как в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» — точку зрения самого Смита.

2. Первая «невидимая рука» принадлежит языческому богу Юпитеру; теологический статус второй неясен (то ли она является орудием Провидения, то ли действует сама по себе); третья имеет очевидное «посюстороннее» происхождение.

3. В «Истории астрономии» «невидимая рука» выступает атрибутом конкретного персонажа — Юпитера, тогда как в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» обозначает некий безличный социальный механизм. Показательно в этом смысле, что в первом случае Смит использует применительно к «невидимой руке» определенный артикль — *«the invisible hand»*, а во втором и третьем неопределенный — *«an invisible hand»*.

4. В первом случае речь идет о *мышлении* дикарей/язычников, во втором и третьем — о *поведении* землевладельцев («Теория нравственных чувств») и торговцев/инвесторов («Богатство народов»).

5. Первую «невидимую руку» Смит описывает в иронической тональности, вторая и третья наделены однозначно позитивными коннотациями.

6. Первая «невидимая рука» связана с нарушениями порядка в природном мире, вторая и третья, напротив, с установлением и поддержанием порядка в социальном мире.

7. Обсуждение «невидимой руки» в «Истории астрономии» ведется вне экономического контекста, тогда как «невидимая рука» из «Теории нравственных чувств» характеризует процесс распределения богатства, а «невидимая рука» из «Богатства народов» — процесс его максимизации.

8. Первая «невидимая рука» не имеет отношения ни к чьим интересам (если только не принимать в расчет, что она помогает «невежественным римлянам» избавляться от когнитивного дискомфорта при столкновении с поражающими их воображение явлениями), тогда как вторая и третья описывают положительную связь, идущую от частных интересов к общим.

9. Вместе с тем все три «невидимые руки» представляют собой вариации на одну и ту же тему, центральную для мировоззрения Смита, — о фундаментальной ограниченности человеческого знания. «Невежественный римлянин» не видит промежуточных звеньев, связывающих различные природные явления, и дает им ложное объяснение. Экономические агенты (землевладельцы и торговцы) ничего не знают о непреднамеренных результатах своей деятельности, и поэтому им даже не приходит в голову пытаться их как-то объяснить.

10. Все три «невидимые руки» оказываются невидимыми только потому, что в сознании большинства людей не укладывается, как какой-то порядок может возникать без чьего-либо замысла, намерения, заранее составленного плана, сознательного руководства из единого центра, то есть — спонтанно. Стоит им обнаружить в природе или обществе что-то напоминающее порядок, как они инстинктивно предполагают присутствие агента, который должен был его установить исходя из каких-то своих сознательных наме-

рений и расчетов. Из-за этого редкие природные явления начинают приписываться капризам антропоморфных существ («История астрономии»), тогда как достижение общественного блага — мудрости правителей («Теория нравственных чувств» и «Богатство народов»). Только наука («философия», в терминологии Смита) способна преодолевать этот глубоко укоренившийся предрассудок, допуская возможность возникновения порядков при отсутствии персонального творца и выявляя скрытые механизмы их формирования. Как отмечает Смит в «Истории астрономии», в повседневной жизни большинство людей остаются слепы к тонким невидимым взаимосвязям явлений. Связи, которые обнаруживают философы, представляют собой «такие комбинации событий, которые не дают остановиться воображению основной массы человечества: они не вызывают ни Изумления, ни понимания отсутствия между ними строгой связи» [Смит, 2014, с. 904–905].

Содержательно сходства между случаями употребления фразы о «невидимой руке» в трех работах Смита представляются не менее интересными и важными, чем различия, поскольку они касаются наиболее фундаментальных и наиболее характерных для него исследовательских установок.

Малозначимый проходной пассаж? Некоторые смитоведы доказывают, что сам Смит не придавал метафоре «невидимой руки» особого значения и, скорее всего, использовал ее исключительно в риторических целях, поскольку в его главных сочинениях она встречается лишь пару раз [Kennedy, 2009a; Rothschild, 1994]. Иначе он бы не упустил случая сообщить читателю о ее важности, а также использовал ее в своих работах намного чаще. Это всего лишь фигура речи, которую можно изъять из смитовских текстов без всякого ущерба для их понимания.

Возможно, в какой-то мере это действительно так. Однако крайне маловероятно, чтобы Смит не придавал большого значения *идее*, к которой привязывал это выражение, — идее о том, что преследование индивидами частных целей нередко может иметь своим непреднамеренным результатом улучшение благосостояния всего общества. В «Теории нравственных чувств» связка «частный интерес / благо общества» встречается два раза, а в «Богатстве народов» — свыше десяти. Смит интерпретирует в этих терминах множество самых разных социальных феноменов, не ограничиваясь — вопреки представлениям большинства экономистов — каким-то одним («рынком»).

Начнем с «Теории нравственных чувств», где связка «частный интерес / благо общества» встречается дважды.

Первый случай — это поведение уже хорошо знакомого нам «гордого и бесчувственного землевладельца», который, питая безудержную страсть к «безделушкам и побрякушкам», невольно обеспечивает средствами существования тысячи людей: «Таким образом, без всякого намерения и ничего о том не зная, он содействует интересам общества и предоставляет средства для умножения человеческого рода» [Смит, 1997, с. 185, с изменениями].

Второй — это рассуждения Смита о том, какие средства использует природа (олицетворяющая в данном случае интересы всего человеческого рода), когда толкает людей к осуществлению ее целей. Дело, по его мнению, не в том, что мы осознаем важность этих целей, а в том, что нам доставляют удовольствие ведущие к ним средства: «Индивидуальное самосохранение и продление вида суть две великие цели природы при создании всякого рода живых существ <...> Но хотя мы и одарены сильнейшими побуждениями для их достижения, выбор ведущих к ним средств вовсе не предоставлен медленным и сомнительным определениям нашего разума. Природа руководит нами при избрании средств для их достижения с помощью непосредственных и первоначальных инстинктов. Голод, жажда, любовь полов, склонность к наслаждению и отвращение к страданию влекут нас к таким средствам ради собственной их привлекательности, а вовсе не по сознанию тех благотворных целей, которых великий Управитель природы вознамерился достигать с их помощью» [Смит, 1997, с. 93, с изменениями].

«Богатство народов» демонстрирует намного большее разнообразие процессов и явлений, когда польза для отдельного человека непредвиденно оборачивается пользой для всего общества:

1) Разделение труда: «Разделение труда <...> отнюдь не является результатом чьей-либо человеческой мудрости, предвидевшей и замышлявшей то общее изобилие, которое будет порождено им: оно представляет собою необходимое последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности в человеческой природе, которая отнюдь не имела в виду такой обширной полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену» [Смит, 2007, с. 76];

2) Сберегательное поведение: «Всякий бережливый человек [оказывается] общественным благодетелем, поскольку увеличивает, вовсе не думая о том, богатство и доход всей страны» [Там же, с. 348];

3) Ускоренное развитие сельского хозяйства именно в тех странах, где его продуктивность выше: «В тех странах, где сельское хозяйство представляет собою самое выгодное из всех приложений капитала, а возделывание и улучшение земли — самый прямой путь к большому состоянию, капиталы отдельных лиц будут, естественно, прилагаться самым выгодным для всего общества образом» [Там же, с. 377];

4) Экономический рост, порождаемый тщеславием землевладельцев, с одной стороны, и торгашеским духом купцов и ремесленников — с другой: «Революция величайшей важности для общественного блага была совершена двумя различными классами людей, которые не имели ни малейшего намерения служить обществу. Удовлетворение самого смешного тщеславия — таков был единственный мотив крупных землевладельцев. Торговцы и ремесленники, гораздо менее смешные, действовали исключительно в своих собственных интересах и придерживались присущего им торгашеского

правила зашибать копейку при всяком удобном случае. Ни те, ни другие не думали и не предвидели той великой революции, которую постепенно совершало безумие одних и трудолюбие других» [Там же, с. 412–413];

5) Эффективное распределение совокупного капитала общества — обсуждалось выше [Там же, с. 441];

6) Удержание капитала внутри страны и наиболее производительное его использование — обсуждалось выше [Там же, с. 442–443];

7) Обеспечение населения пропитанием в неурожайные годы: «Интересы торговца хлебом внутри страны и широких слоев народа, как бы они ни казались противоположными с первого взгляда, совершенно тождественны даже в годы сильнейшего неурожая. В интересах торговца поднимать цену своего хлеба так высоко, как этого требует скудость урожая, и в его интерес никогда не может входить поднятие ее выше этого уровня. <...> В интересах народа, чтобы его потребление за день, неделю и месяц по возможности точно соответствовало запасам урожая. Интересы торговца хлебом внутри страны таковы же <...> Не имея в виду соблюдения интересов населения, он неизбежно побуждается ради соблюдения своих собственных интересов обращаться с ним даже в годы неурожая совсем так, как осмотнительный капитан корабля иногда оказывается вынужден обращаться со своим экипажем. Когда он предвидит, что провианта может не хватить, он сажает его на уменьшенную порцию. <...> Хотя <...> торговец хлебом внутри страны может нередко под влиянием чрезмерной жадности поднять цену на хлеб несколько выше, чем это требуется недостатком хлеба, все же все те неудобства, которые население может испытывать благодаря такому образу действий, фактически избавляющему их от голода в конце года, будут незначительны в сравнении с тем, что им пришлось бы пережить, если бы он в начале года проявил меньшую строгость. Хлебо-торговец сам скорее всего пострадает от такой чрезмерной жадности <...> потому что <...> у него на руках к концу года останется непроданный хлеб, который, если новый урожай окажется более благоприятным, ему придется продать по более низкой цене, чем это могло бы быть в противном случае» [Там же, с. 501–502];

8) Предпочтение (в обычных условиях) внутренней торговли перед внешней и внешней перед транзитной — обсуждалось выше [Там же, с. 596];

9) Обратная ситуация, когда инвесторы начинают перераспределять свой капитал от ближних вложений в пользу дальних (направляя его, например, в колонии), если такие отдаленные вложения приносят сверх-обычную прибыль, которая свидетельствует о том, что цена на заморские товары превышает естественную и, значит, те, кто использует капитал для более близких операций, терпят от этого ущерб: «В этом исключительном случае общественный интерес требует, чтобы часть капитала была отвлечена от тех занятий, которые в обычных условиях более выгодны, и обращена

к такому занятию, которое в обычных условиях менее выгодно обществу; в этом исключительном случае естественные интересы и наклонности людей так же полно совпадают с общественными интересами, как и во всех других нормальных случаях, и побуждают их отвлекать капитал от близкого и обращать его на отдаленное занятие» [Смит, 2007, с. 597];

10) Способность частных лиц непреднамеренно компенсировать своими действиями, направленными исключительно на улучшение собственного положения, пагубные последствия ошибочной политики государства: «В политическом организме естественные усилия, постоянно делаемые каждым отдельным человеком для улучшения своего положения, представляют собою начало самосохранения, способное во многих отношениях предупреждать и исправлять дурные последствия пристрастной и притеснительной политической экономии» [Там же, с. 635];

11) Закат европейского феодализма, когда погоня светских и церковных феодалов за предметами роскоши, во-первых, дала сильнейший толчок расширению рынка и, во-вторых, побудила их ради получения более высокой ренты начать сдавать свои земли в аренду, что имело непредвиденным побочным эффектом потерю ими политической власти: «Постепенное развитие ремесел, мануфактур и торговли — та самая причина, которая уничтожила власть крупных баронов, уничтожила точно так же в большей части Европы всю светскую власть духовенства. <...> Подобно крупным баронам, духовенство тоже стремилось получать более высокую ренту со своих поместий, чтобы расходовать ее точно таким же образом на удовлетворение своего личного тщеславия и прихотей. Но такое увеличение ренты можно было обеспечить только предоставлением земельных участков в аренду своим крестьянам, которые благодаря этому становились в значительной мере независимыми» [Там же, с. 742].

Количество подобных высказываний настолько велико, что связку «частный интерес / благо общества» можно назвать излюбленным парадоксом Адама Смита, которому, скорее всего, доставляло удовольствие поражать им своих читателей. И хотя только в двух случаях эта связка получает у него наименование «невидимой руки», нет ничего необычного или неожиданного в том, что последующие поколения исследователей распространили эту метафору на все встречающиеся в трудах Смита случаи, когда погоня исключительно за собственной выгодой парадоксальным образом ведет к результатам, от которых выигрывает все общество.

Палитра трактовок. Сегодня в исследовательской литературе существует множество самых различных интерпретаций смитовской метафоры. У. Грамп насчитал девять альтернативных трактовок (вместе с его собственной их число возрастает до десяти), а У. Сэмюэль вообще несколько дюжин [Grampp, 2000; Samuels, 2011]. «Невидимая рука» отождествляется с рынком, ценовым механизмом, конкуренцией, получением взаимной

выгоды при обмене, спонтанным формированием социальных порядков, приобретением знаний и навыков, позволяющих успешнее совершать рыночные сделки, Провидением, пекущимся о благосостоянии людей, и даже укреплением обороноспособности страны. Отличительная черта большинства таких трактовок — внетекстуальность: они не столько *вычитывают* что-то из текстов Смита, сколько искусственно *вчитывают* в них то, что почти не пересекается с его фактической аргументацией. В частности, это относится к широко распространенной вульгаризированной формулировке про «невидимую руку *рынка*», поскольку ни в одном из своих текстов Смит не «приставлял» впрямую эту «руку» ни к рынку, ни к механизму цен, ни к конкуренции, ни к эгоистическому (в узком понимании) поведению индивидов.

В качестве выразительного примера можно сослаться на экстравагантное предположение Дж. Перски и У. Грампа о том, что «невидимая рука» в понимании Смита — это окольный способ обеспечения военной безопасности страны (укрепления ее обороноспособности) [Persky, 1989; Grampp, 2000]. Он, по их мнению, имел в виду ситуацию, когда, преследуя собственные интересы, боящиеся риска торговцы предпочитают удерживать свой капитал внутри страны вместо того, чтобы экспортировать его за рубеж, но чем больше внутренний капитал нации, тем больше у нее ресурсов для содержания армии. Естественно, в намерения самих торговцев этот непреднамеренный результат входить никак не мог.

Однако подобную трактовку трудно признать убедительной хотя бы потому, что в пассаже о «невидимой руке» в «Богатстве народов» слово «оборона» отсутствует. По сути, рассуждения Перски и Грампа строятся на полисемии термина *security* («безопасность»). В отрывке про «невидимую руку» Смит говорит о «безопасности» в смысле защищенности (сохранности) капитала торговцев, тогда как через несколько страниц обращается к теме «безопасности» уже в смысле обеспечения военной мощи страны. Смешение разных значений термина *security* и делает возможным ошибочный вывод о том, что непреднамеренным результатом действия «невидимой руки» Смит считал укрепление обороноспособности нации.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РЕЦЕПЦИИ

Общепризнанно, что Смит не был изобретателем выражения «невидимая рука» и, что еще важнее, в Британии его времени оно уже имело широкое хождение.

Историкам экономической мысли удалось отыскать примерно полтора десятка авторов, принадлежавших к самым разным эпохам, которые когда-либо упоминали в своих текстах о «невидимой руке» или о чем-то подобном и чьи книги имелись в личной библиотеке Смита [Kennedy, 2009a]. Среди них

как абсолютные классики мировой литературы и философии — Гомер, Гораций, Овидий, Лактанций, Августин, У. Шекспир, Д. Дефо, Вольтер, так и менее известные писатели, ученые и политики, — Ш.-А. Дю Френуа (1611–1668), Дж. Гленвилл (1636–1680), Р. Уолпол (1676–1745), Ш. Роллен (1661–1741), У. Личмен (1706–1785), Ш. Бонне (1720–1793), К. Рив (1729–1807), Ж.-Б. Робине (1733–1820). Кто-то из них ограничивался лишь упоминанием о могущественной божественной руке, направляющей поведение людей, но кто-то прямо называл ее «невидимой», причем в таких случаях она не всегда изображалась как присущая именно Богу.

Так, у Шекспира в «Макбете» (акт III, сцена 2) главный герой обращается к ночной тьме:

Ночь, приди!
Глаз нежный жалостному дню закрой
Рукой невидимой, кровавой; узы
Мои ты уничтожь и разорви...¹⁵
(Перевод А.Д. Радловой)

Смит вполне мог решить позаимствовать выражение «невидимая рука» у кого-то из перечисленных авторов, но по ряду соображений это представляется не слишком вероятным [Harrison, 2011]. Скорее всего, оно пришло к нему из иных источников.

Дело в том, что словосочетание «невидимая рука» широко использовалось в текстах богословов и проповедников XVII–XVIII вв. В религиозной литературе того времени оно выступало в качестве «технического термина» [Ibid., p. 38], обозначая принцип, согласно которому Бог может достигать своих целей невзирая на собственные намерения людей (невзирая на то, что они наделены свободой воли), причем его цели не могут не быть благотворными. Незримый контроль Бога над событиями, происходящими в природе и обществе, может выражаться в двух формах. Во-первых, в форме установленных им общих законов, которым должны следовать все существа, одушевленные и неодушевленные (общее Провидение). Во-вторых, в форме его разовых вмешательств по конкретным поводам, ломающих, наоборот, регулярный порядок вещей (особое Провидение). Первое по большей части бывает обращено на царство природы, второе — на человеческую историю. Во втором случае действие Провидения оказывается «невидимым» не только потому, что оно не наблюдаемо, но и потому, что оно непостижимо, окутано непроницаемой завесой Божьей тайны. В отличие от этого в первом случае хотя деятельность Провидения также остается не видимой физически,

¹⁵ На том, что «невидимая рука» переключалась в «Богатство народов» напрямую из шекспировской трагедии, настаивает Э. Ротшильд [Rothschild, 1994].

она все же поддается рациональному пониманию и объяснению ([Harrison, 2011]; см. также: [Ослингтон, 2015])¹⁶.

Таким образом, употребление Смитом метафоры «невидимой руки» ложилось на достаточно подготовленную почву. Поэтому вполне возможно, что первые читатели «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов» воспринимали ее в соответствии с преобладавшим тогда словоупотреблением — как отсылку к действию Божьего промысла. (Хотя отсюда вовсе не следует, что именно такой смысл вкладывал в нее сам Смит.) Но столь же правдоподобно и то, что они вообще не обратили на эту фразу никакого внимания, восприняв ее как стандартный риторический прием, как расхожую фигуру речи. В любом случае приходится признать, что упоминание «невидимой руки» в тексте «Богатства народов» не вызвало какого-либо заинтересованного отклика ни у кого из современников Смита.

Как складывалась история «невидимой руки» позднее, когда труд Смита был уже признан абсолютной классикой социальной мысли? Ее путь к обретению статуса центральной метафоры экономической науки был долгим и извилистым. Похоже, что ее проигнорировали не только современники, но и непосредственные преемники Смита — и это на фоне огромного внимания к «Богатству народов» со стороны каждого нового поколения экономистов на протяжении всего XIX в. О ней никогда не упоминали и к ней никогда не обращались ни Д. Рикардо, ни Т. Мальтус, ни Ж.-Б. Сэй, ни Дж. Мак-Куллох, ни Н.У. Сениор, ни Дж.С. Милль. По-видимому, в их глазах этот пассаж из «Богатства народов» не заслуживал специального обсуждения. Единственное исключение — пара ссылок на «невидимую руку» в работах первого биографа Смита Д. Стюарта, относящихся к началу XIX в. Впрочем, можно допустить, что в формирующемся сообществе экономистов уже тогда возникла устная традиция, в рамках которой идее «невидимой руки» придавалось важное значение и благодаря которой она пусть подспудно, но все же оказывала влияние на развитие экономической мысли¹⁷.

¹⁶ Нетрудно заметить, что идея особого Провидения перекликается с тем, как Смит использовал фразу о «невидимой руке» в «Истории астрономии», а идея общего Провидения — с тем, как он использовал ее в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов».

¹⁷ Есть основания сомневаться в том, что метафора «невидимой руки» могла пройти полностью мимо внимания экономистов первой половины XIX в. Достаточно сказать, что о ней в «Немецкой идеологии» (1845) упоминают даже К. Маркс и Ф. Энгельс (естественно, в своей всегдашней издевательской манере): «Каким образом получается, что торговля, которая есть ведь не что иное, как обмен продуктами различных индивидов и стран, господствует над всем миром благодаря отношению спроса и предложения, — отношению, которое, по словам одного английского экономиста, витает подобно древнему року над землей, невидимой рукой распределяя между людьми счастье и несчастье, созидая царства и разрушая их, вызывая к жизни народы и заставляя их исчезать?» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 34].

Публичное молчание было, по сути, прервано лишь в последней трети XIX в., когда о «невидимой руке» заговорили сразу несколько историков и экономистов, таких как Г. Бокль (1821–1862), Т. Лесли (1825–1882), А. Онкен (1844–1911), Ф. Мэтленд (1850–1906), Дж. Бонар (1852–1941), У. Сمارт (1853–1915), Ф. Хирст (1873–1953). Тем не менее у ведущих теоретиков конца XIX — начала XX в. она по-прежнему не вызывала интереса. Из крупных экономистов того времени единственный раз сослался на нее в своей «Экономике благосостояния» А. Пигу, когда вводил понятие экстерналий [Пигу, 1985]. Вплоть до середины XX столетия упоминаний о смитовской метафоре было почти невозможно встретить ни в ведущих академических журналах, ни в популярных учебниках по экономике. Ссылки на нее по-прежнему оставались редкими и спорадическими.

Конечно, нельзя исключить, что на протяжении всего этого периода в академических кругах поддерживалась устная традиция (см. выше), в которой «невидимая рука» рассматривалась как мощная сила, преобразующая в благотворный порядок господствующий на рынке хаос. Во всяком случае, о существовании подобной традиции в Кембриджском университете упоминает Пигу. Некоторые замечания П. Самуэльсона (см. Введение) позволяют предполагать, что примерно так же обстояло дело и в американских университетах.

Ситуация кардинально меняется в конце 1940-х — начале 1950-х годов. По подсчетам У. Сэмюэлса, с 1942 по 1974 г. среднее количество ежегодных упоминаний о «невидимой руке» сначала удвоилось по сравнению с предыдущими полутора столетиями, а затем к концу 1970-х годов удвоилось еще раз. В 1980-е годы ежегодное число таких упоминаний стало уже в шесть с половиной, а в 1990-е годы в восемь раз больше, чем в 1942–1974 гг., хотя чуть позже — в 2000-е годы — немного снизилось [Samuels, 2011]. Конечно, отчасти этот скачок был связан с бурным развитием средств массовой информации. Но ссылками на «невидимую руку» оказались переполнены и публикации в академических журналах.

Что же послужило исходным импульсом к взрывному росту популярности смитовской метафоры во второй половине XX в.?

Г. Кеннеди убедительно показывает, что маховик был запущен публикацией в 1948 г. первого издания самого знаменитого учебника по экономике П. Самуэльсона [Kennedy, 2010]¹⁸. На протяжении последующих десятилетий его «Экономика» выдержала почти два десятка переизданий, была переведена на несколько десятков языков, а ее общий тираж составил порядка 5 млн экземпляров. Именно из нее студенты во всем мире (включая, естественно, и будущих экономистов) узнавали о «невидимой руке» Адама Смита, а также о том, что она означает.

¹⁸ В дальнейшем изложении мы будем опираться преимущественно на эту работу.

В первом издании «Экономики» портрет смитовской «невидимой руки» выглядел так:

Даже Адам Смит, хитроумный шотландец, чей монументальный труд (1776) положил начало современной экономической науке или политической экономии, — даже он был так восхищен обнаружением порядка в экономической системе, что провозгласил мистический принцип «невидимой руки»: что каждый индивид, преследуя только свое собственное эгоистическое (selfish) благо, оказывается как бы невидимой рукой ведом к достижению наибольшего блага для всех, так что любое вмешательство в свободную конкуренцию наверняка будет вредным. За последние полтора века этот неосторожный вывод принес почти столько же пользы, сколько и вреда, тем более что слишком часто это оказывалось единственным, что некоторые из наших видных граждан помнили тридцать лет спустя из своего курса экономики в колледже. На самом деле большая часть восхвалений совершенной конкуренции бьет мимо цели. Как уже говорилось ранее, у нас смешанная система государственного управления и частного предпринимательства, и, как будет показано ниже, это также смешанная система монополии и конкуренции. Она не черная и не белая, а серая в горошек [Samuelson, 1948, p. 36].

Язвительно-насмешливое отношение Самуэльсона к идее «невидимой руки» очевидно (он именует ее «мистическим принципом»). Столь же очевидно, что его описание имеет мало общего с тем, как понимал ее Смит.

Во-первых, как уже отмечалось, в «Богатстве народов» Смит нигде не восхваляет эгоизм и не называет поведение участников рынка «эгоистичным» (selfish). Он утверждает, что ими движет «собственный интерес», а для него эти понятия были далеко не тождественны (см. выше). Во-вторых, действие «невидимой руки» описывается им без всякого «как бы»: у него она направляет действия индивидов к неведомой им цели не условно, а буквально, в прямом, можно сказать, «физическом» смысле. (Говоря о «невидимой руке», современные экономисты также вслед за Самуэльсоном чаще всего вставляют это «как бы», отсутствующее у Смита.) В-третьих, Смит никогда не заявлял, что всякое вмешательство государства в рыночную конкуренцию будет непременно вредным: «Богатство народов» содержит солидный список мер государственного регулирования, которые он полагал желательными и нужными. В-четвертых, Смит не нуждался в поучениях о том, что реальные экономики бывают «смешанными»: он прекрасно видел это на примере меркантилистской системы, господствовавшей в современной ему Британии. Однако это не мешало ему критиковать такую «смешанную экономику» и выступать за устранение или хотя бы минимизацию количества монополий в ней. В-пятых, отождествление Самуэльсоном смитовской «невидимой руки» с понятием совершенной конкуренции современной эконо-

мической теории выглядит безусловным анахронизмом (подробнее об этом см. ниже). Естественно, Смиту это понятие было неизвестно и пользоваться им он не мог. Еще важнее, что в отличие от Самуэльсона «невидимая рука» была для него не каким-то конструктом из области абстрактного теоретизирования («совершенная конкуренция»), а характеристикой реальных процессов, которые он имел возможность наблюдать в окружающем мире¹⁹.

Центральный элемент интерпретации Самуэльсона — утверждение о том, что «невидимая рука» в качестве обязательного условия предполагает существование рынка совершенной конкуренции. В различных вариациях он повторяет его во всех изданиях «Экономики». Так, по его словам, «если присмотреться повнимательнее, то зародыш этой идеи [вальрасианского общего равновесия. — *Р. К.*] можно увидеть даже у Адама Смита» [Samuelson, 1951, p. 598].

Другой элемент его интерпретации — утверждение о том, что, поскольку при отсутствии совершенной конкуренции «невидимая рука» становится бессильна, разговоры о ней не имеют никакого отношения к реальности. Она очевидно не приложима к современной американской экономике «с ее крупным бизнесом, слияниями, поглощениями, трестами и картелями» [Samuelson, 1955, p. 36]. Из некоторых комментариев Самуэльсона складывается также впечатление, что, по его мнению, когда-то в прошлом «невидимая рука» действительно успешно справлялась со своей задачей, но сегодня это уже не так. В четвертом издании «Экономики», где он сформулировал концепцию «великого неоклассического синтеза», Самуэльсон задавался риторическим вопросом: ведет ли индивидов «до сих пор Невидимая Рука Адама Смита к тому, чтобы предпринимать действия, которые необходимы для содействия общему интересу?». И отвечал категорически: «Нет, она их к этому не ведет» [Samuelson, 1955, p. 470]. По его словам, причину сбоев в ее работе удалось открыть лишь много позже: все дело в том, что «достоинства, приписываемые системе свободного предпринимательства, полностью

¹⁹ В более общем смысле стоит отметить, что сама идея «совершенства» мало совместима с последовательно реалистическим подходом Смита. В «Богатстве народов» он подвергает критике план Франсуа Кенэ по созданию совершенного общественного устройства. Кенэ, по его словам, воображал, будто социальный организм «может благоденствовать и процветать только при точном соблюдении <...> режима совершенной свободы и совершенного правосудия» [Смит, 2007, с. 635]. На это Смит возражал: «Если бы нация не могла преуспевать, не пользуясь совершенной свободой и совершенным правосудием, на всем свете не нашлось бы нации, которая когда-либо могла бы процветать. Но мудрая природа, к счастью, позаботилась о том, чтобы заложить в политическом организме достаточно средств для исправления многих вредных последствий безумия и несправедливости человека, совсем так, как она сделала это с физическим организмом человека для исправления последствий его неосторожности и невыдержанности» [Там же, с. 636].

реализуются только при наличии полного набора сдержек и противовесов в виде “совершенной конкуренции”» [Samuelson, 1970, p. 712]²⁰.

Впрочем, со временем тональность оценок Самуэльсона начинает смягчаться. Скорее всего, это было связано с получением строгих математических доказательств в рамках теории общего равновесия. Поэтому в более поздних изданиях «Экономики» появляется новый мотив: Смит как «недо-теоретик» общего равновесия.

С одной стороны, смитовская «невидимая рука» получает более позитивное освещение и из «мистического принципа» превращается в предвосхищение моделей общего равновесия: теперь Самуэльсон признает наличие «зерна истины в доктрине Смита о Невидимой Руке» [Samuelson, 1973, p. 641]. Высокой оценки удостоивается также наблюдение Смита о том, что «скачки и броски рыночной конкуренции выступают мощным источником роста производительности и уровня жизни»: это «одна из глубочайших идей в истории» [Samuelson, Nordhaus, 1998, p. 265]. Как полагает Самуэльсон, представление Смита о «саморегулирующейся невидимой руке» останется «его непреходящим вкладом в современную экономическую теорию» [Samuelson, Nordhaus, 2005, p. 32].

С другой стороны, в «Экономике» всячески подчеркивается превосходство современной экономической науки над теоретической неискушенностью автора «Богатства народов». Хотя догадка Смита и «имела определенный смысл», «при попытке объяснить на устном экзамене по программе Ph.D., в чем же этот смысл состоит, ему бы не удалось набрать нужного балла» [Samuelson, 1963, p. 128–129]. Его пониманию осталась недоступной связь между конкурентным равновесием и оптимальностью по Парето: он «никогда не мог ни сформулировать точно, в чем именно заключалась его идея, ни доказать ее, но современная экономическая теория может сформулировать это свойство идеального конкурентного ценообразования», когда «вы не можете улучшить положение ни одного человека, не нанеся вреда кому-то другому» [Samuelson, 1967, p. 609].

В несколько более благоприятном свете предстает теперь и критика Смитом видимой руки государства. Самуэльсон отмечает оправданность его призывов «убрать неуклюжую руку меркантилистских правительств» и «высвободить мотив конкурентной выгоды, который — словно невидимой рукой — обеспечил бы максимум благосостояния для всех» [Samuelson, 1970, p. 712].

²⁰ У Самуэльсона и Нордхауса Смит превращается в автора «теории невидимой руки», в рамках которой все «покупатели и продавцы обладают полной информацией о продаваемых и покупаемых товарах» [Samuelson, Nordhaus, 2010, p. 164]. Едва ли что-либо может быть дальше от представлений самого Смита, настаивавшего на фундаментальной ограниченности человеческого знания.

Только современная экономическая наука смогла постичь «точный смысл аргументации Адама Смита» (сам он его не понимал), что стало одним из ее «громких достижений» [Samuelson, Nordhaus, 1998, p. 266]. Ей удалось строго доказать, что «сущность невидимой руки» заключается в замечательном свойстве «эффективности конкурентных рынков» [Samuelson, Nordhaus, 2005, p. 163]. Но ей удалось не только это — она смогла также показать, насколько ограничены возможности смитовской «руки»: «Доктрина невидимой руки — это концепция, объясняющая, почему результат работы рыночного механизма выглядит таким упорядоченным. Взгляд Смита на направляющую функцию рыночного механизма вдохновлял современных экономистов — как сторонников, так и критиков капитализма. Однако после двух столетий опыта и размышлений мы теперь осознаем масштабы и реалистические ограничения этой доктрины» [Samuelson, Nordhaus, 1985, p. 46]²¹.

По-видимому, практически все, что большинство современных экономистов когда-либо слышало и знает о «невидимой руке» Смита, прямо или косвенно восходит к ее обсуждению в «Экономике» Самуэльсона [Kennedy, 2010]. Его влияние на восприятие смитовской метафоры было неоднозначным. С одной стороны, во многом благодаря именно Самуэльсону выражение «невидимая рука» получило широкую известность, став, можно сказать, настоящей притчей во языцех. С другой — опять-таки благодаря ему в сознании экономистов закрепилось достаточно пренебрежительное отношение к этой идее как всего лишь теоретической фикции, полностью оторванной от реальности и оттого лишенной практического значения.

На самом деле интерпретация «невидимой руки», представленная в различных изданиях учебника Самуэльсона, очень далека от того, что имел в виду автор «Богатства народов». Самуэльсон по-своему переиначил его метафору, вложив в нее удобный для себя смысл. В его изображении Смит

²¹ В позднейших изданиях «Экономики» П. Самуэльсон и его соавтор У. Нордхаус не ограничиваются замечанием о том, что «невидимая рука» Смита способна работать лишь при определенных условиях, но и перечисляют эти условия, откуда становится ясно, насколько далека она от реальной жизни: «Только в середине XX в. было дано полное доказательство существования решения с использованием мощных математических инструментов, таких как топология и теория множеств <...> Это революционное открытие показало, что всегда будет существовать по крайней мере один набор цен, который будет точно уравнивать спрос и предложение на все виды затрат и выпуска, даже если существуют миллионы их разных видов во многих разных регионах и даже если товары производятся и продаются в разное время. Но прежде чем <...> объявить об окончательной победе доктрины невидимой руки, мы должны сделать паузу, чтобы рассмотреть строгие допущения, которые используются для доказательства теорем в рамках конкурентной модели: нигде никакой возрастающей отдачи, никаких внешних эффектов, совершенно гибкая заработная плата, никаких монополий или олигополий, а также другие ограничения» [Samuelson, Nordhaus, 1989, p. 747].

предстает как незадачливый экономист-неоклассик, а его «невидимая рука» — как синоним совершенной конкуренции. Трудно не согласиться с выводом Г. Кеннеди о том, что, по-видимому, именно П. Самуэльсон стоял у истоков «нынешней эпидемии ложных представлений по поводу невидимой руки» [Ibid., p. 251].

МЕТАФОРА СМИТА И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В современной экономической литературе можно условно выделить две главные традиции в истолковании «невидимой руки» Адама Смита — неоклассическую и австрийскую.

Неоклассическая традиция. В публикациях мейнстримных авторов уже давно стало общим местом отождествление метафоры «невидимой руки» с понятием общего равновесия (выше мы уже имели возможность убедиться в этом на примере высказываний П. Самуэльсона). По-видимому, начало подобному подходу положили К. Эрроу и Ф. Хан, конструируя для теории общего равновесия солидную родословную в рамках истории экономической мысли. Они назвали метафору «невидимой руки» «поэтическим выражением наиболее фундаментального принципа равновесных экономических отношений», а ее автора объявили «создателем теории общего равновесия» [Argow, Hahn, 1971, p. 1–2]²². В мейнстримной литературе их слова затем повторялись и перефразировались бесчисленное число раз. Некоторые авторы доходили до того, что начинали рассуждать о «теории невидимой руки» или даже, как Ф. Хан, о «чистой теории невидимой руки» [Hahn, 1982], приписывая эту «теорию» Смиту.

Переводя этот исходный посыл в более конкретную плоскость, многие экономисты склонны рассматривать идею «невидимой руки» как иное выражение одного из центральных положений общей теории равновесия, а именно — Первой фундаментальной теоремы экономики благосостояния. Как известно, согласно этой теореме, всякое общее конкурентное равновесие будет Парето-оптимальным. Это же, как предполагается, имел в виду и Смит, описывая в «Богатстве народов» благотворную деятельность «невидимой руки». У истоков подобной интерпретации опять-таки стояли Эрроу и Хан, по утверждению которых только теории общего равновесия оказалось под силу разрешить «головоломку Адама Смита», которую до этого не удавалось разрешить никому, включая и самого ее автора²³.

²² Любопытно, что сам Смит употребил в «Богатстве народов» слово «равновесие» (equilibrium) лишь однажды, критикуя доктрину торгового баланса.

²³ «В децентрализованных экономиках большое количество людей принимают экономические решения, которые в свете рыночной и другой информации они считают более выгодными. Они не руководствуются общественным благом, нет также никакого

Отождествление «невидимой руки» с Первой фундаментальной теоремой экономики благосостояния можно встретить практически во всех публикациях современных экономистов (включая учебники), когда речь в них заходит об Адаме Смите. Ограничимся только парой иллюстраций.

Так, в ведущем учебнике по микроэкономике А. Мас-Колелла, М. Уинстона и Дж. Грина студентам сообщается: «Первая фундаментальная теорема благосостояния устанавливает условия, при которых любое ценовое равновесие с возможностью трансфертов и, в частности, вальрасианское равновесие будет оказываться оптимумом по Парето. В рамках экономической теории конкурентных рынков она обеспечивает формальное и чрезвычайно общее подтверждение наличия у рынка свойства, обозначенного Адамом Смитом как “невидимая рука”» [Mas-Colell, Whinston, Green, 1995, p. 549].

В книге с характерным названием «По ту сторону невидимой руки» известный индийский экономист Каушик Басу заявляет:

Теория невидимой руки оставалась всего лишь гипотезой на протяжении почти двух столетий после появления классической работы «Исследование о природе и причинах богатства народов», несмотря на многочисленные труды самого Смита и его последователей в политэкономии. Потребовалось создание всей машинерии математической экономики и появление исследований Кэннета Эрроу, Жерара Дебре, Лайонела Маккензи и др. для того, чтобы эта теория обрела форму и доказательство. Только в 20 веке были предоставлены формальные доказательства условий, при которых конкурентное равновесие существует и является оптимальным. То есть было формально доказано, что при некоторых условиях все индивиды, преследующие свои индивидуальные интересы, ведут общество к оптимальному состоянию. Это доказательство стало известно как Первая фундаментальная теорема экономики благосостояния и явилось первым официальным подтверждением гипотезы о невидимой руке. Я буду называть Фундаментальную теорему более неформально «теоремой о невидимой руке». <...> С одной стороны, формализация идеи Смита стала значительным прорывом в экономической науке. С другой — после «Богатства народов» вера в теорию невидимой руки превратилась в ортодоксию [Басу, 2014, с. 37, 55].

общего плана, в выполнении которого им отведены заранее предписанные роли. Адам Смит первым осознал необходимость объяснения того, почему такого рода социальное устройство не ведет к хаосу. С точки зрения здравого смысла существование миллионов жадных своекорыстных индивидов, преследующих свои собственные цели и по большей части не контролируемых в своих устремлениях государством, кажется верным путем к анархии. Смит не только задал очевидно важный вопрос, но и указал нам дорогу, ведущую к ответу на него. Теория общего равновесия в классической формулировке Эрроу и Дебре находится близко к концу этой дороги» [Hahn, 1984, p. 72].

Число подобных высказываний можно было бы множить до бесконечности. Но насколько корректна — исторически и содержательно — эта интерпретация, ставшая, по сути, канонической для сегодняшнего мейнстрима?

Как справедливо заметил по этому поводу М. Блауг, чего Смит «определенно не имел в виду, так это так называемой Первой фундаментальной теоремы экономики благосостояния из современных учебников» [Blaug, 2008, p. 564]. Во-первых, предположение Смита о том, что владельцы капитала стремятся к наибольшей прибыли, никак нельзя считать математической теоремой. Во-вторых, смитовская свободная конкуренция с неограниченным входом в отрасль крайне далека от совершенной конкуренции неоклассиков, предполагающей, что существует множество мелких агентов, способных влиять на цены и принимающих их как данность. Еще важнее, что конкуренция понималась Смитом как активный процесс, а не как конечное состояние. Как и для других экономистов-классиков, для него она подразумевала соперничество между покупателями и продавцами с использованием всего арсенала ценовых и неценовых методов. Такая «процессная» концепция конкуренции ближе к взглядам современных представителей австрийской школы, чем к ортодоксальной концепции, в которой упор делается на конечном равновесном состоянии независимо от того, как оно достигается. В-третьих, конкурентная система рассматривалась Смитом как желательная для общества не из-за ее Парето-эффективных свойств, а из-за ее динамических эффектов в виде расширения размеров рынка и увеличения преимуществ от разделения труда, то есть из-за того, что она служит мощной силой, содействующей накоплению капитала и росту дохода. Отсюда общий вердикт Блауга: «Попытки современных экономистов заручиться поддержкой Адама Смита в пользу того, что в наши дни известно как Фундаментальные теоремы экономики благосостояния, представляют собой историческую травестию невиданного масштаба» [Ibid., p. 565].

Отмеченные Блаугом расхождения приобретают еще большую рельефность, если вспомнить, что составляет подразумеваемый (неявный) институциональный фундамент стандартных моделей общего равновесия. Речь идет о фигуре вальрасианского аукциониста, который занимается расчетом равновесных цен, сообщает информацию о них индивидуальным агентам и блокирует любые сделки до того момента, когда такие цены будут установлены. В рамках теории общего равновесия фигура аукциониста, опосредующего все сделки, служит олицетворением *централизованного* механизма формирования цен. Де-факто объектом изучения в ней выступает гибридная — рыночно-командная — система (образно говоря: «частная собственность плюс Госкомцен») [De Vroey, 1998]. В отличие от этого в «Богатстве народов» описывается чисто рыночная система, где цены формируются полностью *децентрализованно*.

Во-первых, в моделях общего равновесия цены своим декретом устанавливает центральный агент — аукционист, тогда как у Смита рыночные агенты назначают цены сами, меняя их, как и когда сочтут нужным. Во-вторых, в этих моделях разрешены сделки только по равновесным ценам [De Vroey, 1998], тогда как у Смита таких ограничений для участников рынка не существует: сделки возможны как по равновесным (естественным), так и по неравновесным (рыночным) ценам. В-третьих, в моделях общего равновесия все обмены совершаются мгновенно, в единый момент времени (все рынки расчищаются одновременно), тогда как у Смита, как и в реальной жизни, сделки никак не синхронизированы. В-четвертых, стандартные модели общего равновесия исключают прямые контакты участников рынка друг с другом — обмен информацией и выработка условий сделок ведутся исключительно через аукциониста, тогда как у Смита они общаются и заключают друг с другом контракты напрямую, без посредничества какого-либо центрального агента. В-пятых, в вальрасианском мире координация осуществляется *ex ante* — до реального совершения сделок, тогда как в смитианском *ex post* — методом проб и ошибок. В-шестых, в моделях общего равновесия рыночная информация централизована и совершенна — она целиком сосредоточена в руках аукциониста, тогда как в мире Смита она несовершенна и рассредоточена среди частных лиц.

В итоге едва ли будет преувеличением сказать, что в теории общего равновесия реальной координирующей силой выступает *видимая рука* аукциониста. Как ни парадоксально, но вопреки утверждениям Эрроу и Хана ее правильнее было бы считать не столько воплощением, сколько антиподом «невидимой руки» Смита.

Австрийская традиция. В экономико-философской традиции, которая ассоциируется сегодня с австрийской школой экономики, но у истоков которой стояли мыслители шотландского Просвещения — Д. Юм, А. Смит, А. Фергюсон, Дж. Миллар и другие, понятие «невидимой руки» выступает коррелятом понятия «спонтанный порядок». В этой исследовательской традиции выражение «невидимая рука» служит для обозначения механизмов координации, посредством которых могут формироваться и поддерживаться спонтанные порядки. Конечно, ни Смит, ни его современники не пользовались понятием «спонтанный порядок». (Считается, что в научный оборот его ввел британский философ венгерского происхождения М. Поланьи [Polanyi, 1951], хотя более ранние следы обнаруживаются уже в работах Дж.С. Милля.) Однако они первыми осознали, что в обществе могут существовать регулярные упорядоченные структуры, не имеющие персонального творца, и сделали их предметом научного анализа²⁴.

²⁴ «Возможно, это явилось самым значительным социологическим вкладом шотландского Просвещения» [Nanowu, 1987, p. 3].

Так, одно из самых ранних описаний спонтанного порядка дал друг и коллега Адама Смита А. Фергюсон: «Все в природе взаимосвязано; и сам мир состоит из частей, которые, как камни арки, поддерживают друг друга и поддерживаются друг другом. Такой порядок вещей складывается из движений, которые, пребывая по видимости в состоянии разрозненности и противодействия, взаимно регулируют и уравнивают друг друга» [Ferguson, 1973, p. 327–328]. Ему же принадлежит знаменитая формула о том, что, когда такие порядки обнаруживаются, их следует считать продуктом человеческой деятельности, а не человеческого замысла. Они являются не реализацией чьего-либо сознательного плана, а непредвиденным результатом взаимодействия людей, стремящихся к несопадающим целям. Очевидно, что смитовские отсылки к «невидимой руке» в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» целиком вписываются в эту формулу.

С точки зрения происхождения социальных порядков шотландско-австрийская традиция выделяет два их типа — спонтанные (никогда не замышлявшиеся) и сознательно сконструированные («сделанные»). Так, к сознательно управляемым структурам относятся армии, правительственные учреждения, деловые корпорации, к самоорганизующимся и саморегулирующимся — язык, право, мораль, частная собственность, деньги, рынок. Все эти институты, образующие фундамент человеческих сообществ, находились в центре внимания мыслителей шотландского Просвещения, включая, разумеется, и Смита.

Отличительная черта спонтанных порядков заключается в том, что они не проектируются заранее и не являются воплощением чьего-либо плана. Они образуются и функционируют децентрализованно как непреднамеренный результат сознательных действий множества людей, преследующих свои частные цели. Упорядоченность в них достигается не управлением из центра, а регулярностью во взаимоотношениях между отдельными элементами структуры. Такие институты занимают как бы промежуточное положение между миром природных объектов, существующих независимо от человека, и миром искусственных объектов, рожденных его волей и интеллектом. (По выражению Ф. Хайека, они находятся *между* инстинктом и разумом [Хайек, 1992].) Когда непреднамеренно возникшие порядки обеспечивают какие-то коллективные преимущества, возрастают шансы на то, что они будут укореняться и затем устойчиво воспроизводиться во времени.

В отличие от сознательно устанавливаемого порядка, ориентированного на решение строго определенных задач, спонтанный порядок не подчинен какой-либо явной цели, хотя и помогает индивидам реализовывать их частные устремления. Если первый поддерживается конкретными приказами-командами, то второй — абстрактными правилами поведения: «Осознание того, — отмечал Хайек, — что люди могут ко всеобщему благу жить в мире и согласии друг с другом и что для этого не обязательно достигать единства

мнений по поводу каких-либо конкретных совместных целей, а достаточно всего лишь соблюдать абстрактные правила поведения, явилось, вероятно, величайшим открытием из всех, когда-либо совершенных человечеством» [Найек, 1976, р. 136].

Идея о том, что многое в человеческой жизни является результатом человеческих действий, но не человеческого замысла, пронизывает социальные и моральные концепции Смита [Carey, 2019]. Попытки обнаружить регулярность и порядок за видимым хаосом человеческих желаний и действий — лейтмотив его творчества. В текстах Смита мы встречаем немало прямых отсылок к понятию «порядка».

Во введении к «Богатству народов» он отмечает, что одним из предметов обсуждения в первой книге этой работы будет «порядок, в соответствии с которым <...> продукт [труда] естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе» [Смит, 2007, с. 65]. В «Теории нравственных чувств» он называет поддержание порядка «великой целью» как природы, так и человека [Смит, 1997, с. 170]. Среди многообразия различных систем и машин Смит выделяет экономику, находя в ней «порядок» и отмечая ее «регулярное и гармоничное движение» [Там же, с. 184]. Коммерцию (вместе с некоторыми другими сферами общества) он уподобляет «прекрасной и упорядоченной машине» [Там же, с. 187].

В пассажах про «невидимую руку» из «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов» прямо ничего не говорится о спонтанном формировании и воспроизводстве каких-либо упорядоченных социальных структур. Тем не менее легко убедиться, что речь в них идет именно об этом. В «Теории нравственных чувств» «невидимая рука» обеспечивает устойчивую систему равного распределения средств существования, независимую от предпочтений индивидов и даже от различий в их владении ресурсами. В «Богатстве народов» она точно так же обеспечивает устойчивую систему распределения капитала, наиболее выгодную для страны.

Упорядочивающие процессы в экономике и обществе привлекали внимание Смита и во многих других случаях, где он обходился без упоминаний о «невидимой руке». В «Богатстве народов» в знаменитой главе «О естественной и рыночной цене товаров» (книга I, глава VII) Смит обсуждает, каким образом бессистемные на первый взгляд колебания рыночных цен оказываются направлены к объективно обусловленной системе естественных цен, более всего отвечающей интересам общества. Такие результаты работы ценового механизма — наглядный пример спонтанного порядка, возникающего из кажущегося хаоса разрозненных индивидуальных решений.

В «Теории нравственных чувств» Смит прослеживает, каким образом социально-экономическая дифференциация становится орудием поддержания общественного порядка. Исходный пункт — уже знакомый нам тезис о заложенной в людях природной склонности восхищаться упорядочен-

ностью и функциональностью разнообразных вещей. Инстинктивно они переносят свое восхищение с самих вещей на тех, кто владеет ими в больших количествах, — на знатных и богатых. Но наша «готовность восхищаться богатыми и могущественными людьми, даже почти поклоняться им» [Там же, с. 78, с изменениями] означает не что иное, как нашу готовность им подчиняться — признавать их власть над нами, следовать их приказам, исполнять их желания. Предотвращая социальные конфликты, такая установка имеет своим непредвиденным следствием сохранение мира и спокойствия в обществе: «На этой готовности человечества сочувствовать страстям могущественных и богатых людей основывается различие сословий и весь общественный порядок. Наша угодливость перед высшими чаще всего рождается из нашего восхищения преимуществами их положения» [Там же, с. 71, с изменениями]. Говоря современным языком, легитимация социального порядка основывается, по мысли Смита, не на утилитарных соображениях и не на представлениях об общем благе, а на чисто эстетическом по своему происхождению чувстве: «Наша готовность исполнять все <...> желания [высших классов] не имеет в виду ни нашей личной пользы, ни даже общественного порядка, который поддерживается главным образом этой готовностью: даже когда поддержание порядка в обществе требует, чтобы мы противились такой склонности, нам едва ли удастся заставить себя это сделать» [Там же, с. 71, с изменениями]²⁵.

Но зачарованность человеческого воображения красотой порядка и регулярности имеет не только позитивные, но и негативные непредвиденные последствия. Она порождает у тех, кого бы мы сегодня назвали интеллектуалами, непреодолимое желание перестраивать существующие общественные системы по разработанным ими идеальным схемам: «Нам доставляет удовольствие усовершенствование такой огромной и такой прекрасной системы, и мы стараемся устранить все препятствия, которые могут нарушить ее порядок и ее действие» [Там же, с. 186]. Смит называет подобную установку «духом системы», а доктринеров, проникнутых этим духом, «людьми системы» [Там же, с. 229, 230]. «Люди системы» исходят из ложного представления о том, что любой благотворный порядок, любая устойчивая социальная структура должны иметь персонального творца и быть продуктом предварительного замысла. (В этом смысле они недалеко ушли от «невежественного римлянина», видевшего за каждым необычным природным явлением кого-нибудь из античных богов.)

Отсюда — страсть «людей системы» к замене спонтанных порядков, устройство и механику которых они не понимают и которые кажутся им явно дефектными и несовершенными, собственными проектами, привле-

²⁵ Отметим в скобках, что без подобного восхищения богатством и успехом не могло бы существовать современной индустрии гламура.

кательными на бумаге, но чреватými пагубными последствиями при их воплощении в жизнь. Они, замечает Смит, «всегда готовы предложить какой-нибудь план преобразований <...> они часто предлагают новую модель государственного устройства и изменяют важнейшие части правительственной системы, обеспечивавшей на протяжении многих веков мир, безопасность и даже славу всем подданным великой страны. Большинство <...> бывает обычно отравлено воображаемой прелестью такой идеальной системы, не испытанной еще на практике, но представляемой <...> в самом блестящем свете» [Смит, 1997, с. 229, с изменениями].

По Смитy, такие подмены произвольно возникающих порядков сознательно сконструированными мотивируются не корыстными интересами и не заботой об общем благе, а все тем же наслаждением от созерцания красоты и гармонии стройных идеальных схем. Только на сей раз это оказывается первой ступенью к тирании, интеллектуальной и политической: желание «человека системы» «установить до малейших подробностей, несмотря ни на какие препятствия, все части целой государственной системы нередко оказывается безумной самонадеянностью. <...> Это значит считать себя за единственного благоразумного и просвещенного человека в государстве; это значит требовать, чтобы сограждане склонялись перед нашим мнением, и воображать, будто наше мнение вовсе не должно принимать в расчет их мнения» [Там же, с. 230, с изменениями].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает наш обзор, у метафоры «невидимой руки» Адама Смита оказалась достаточно сложная судьба. Она проделала длинный и извилистый путь от неприятязательного риторического оборота до обозначения фундаментальной научной идеи, от полупроходного пассажа, не обратившего на себя внимания почти никого из его современников и непосредственных преемников, до центральной метафоры экономической теории и популярного мема, хорошо знакомого сегодня практически каждому образованному человеку. В философии науки она стала специальным термином, обозначающим особый тип не прямой (децентрализованной) координации. Неудивительно, что за прошедшие два с половиной столетия смитовская метафора успела обрасти множеством разнообразных толкований, зачастую не имеющих ничего общего с представлениями самого автора «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов».

Смит использовал выражение «невидимая рука» лишь трижды, причем всякий раз в ином контексте. Отсюда — широко обсуждаемая в комментаторской литературе проблема: насколько согласуются между собой случаи употребления этой метафоры в «Истории астрономии», «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов», выражают ли они одну и ту же идею или

три разных? Анализ показывает, что, несмотря на очевидные различия, содержательно между ними есть много общего и они скорее дополняют, чем отменяют друг друга.

Смит едва ли придавал важное значение самому словосочетанию «невидимая рука». Однако отсюда не следует, что он не придавал принципиально важного значения стоявшей за ним идее — идее о непредумышленном совпадении частных и общих интересов, о возможной положительной связи между микроповедением и макрорезультатами. Эта идея, ставшая настоящим интеллектуальным прорывом, проходит лейтмотивом через все его главные произведения: на разном материале он возвращается к ней вновь и вновь. Это как бы фирменный знак смитовского способа мышления.

Смит не был автором выражения «невидимая рука»: оно встречается в немалом числе более ранних литературных источников и, что еще важнее, было широко представлено в богословских текстах XVII–XVIII вв. Однако по вопросу о теологическом подтексте его метафоры мнения исследователей расходятся. Можно тем не менее утверждать, что как минимум ее использование в «Богатстве народов» свободно от каких-либо религиозных коннотаций, которые бы отсылали к действию Провидения.

Мотивационная основа смитовской «невидимой руки» неоднозначна: если в «Теории нравственных чувств» ее действие оказывается связано с чисто эгоистическим (selfish) поведением индивидов, то в «Богатстве народов» это уже не так. Здесь Смит исходит из более общего и более нейтрального поведенческого мотива «собственного интереса» (own interest), который было бы ошибкой сводить исключительно к голому эгоизму. (Во всяком случае, сам он всегда четко разводил эти понятия.) Отсюда мы, по-видимому, вправе заключить, что, согласно Смиту, действие «невидимой руки» не связано жестко с каким-то одним типом поведенческих импульсов и может строиться на разной мотивационной основе.

В «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» помимо спонтанно действующей «невидимой руки» межличностных взаимодействий мы обнаруживаем сознательно действующую «видимую руку» государства. В «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов» их противопоставлению посвящено немало страниц, причем комментарии Смита не оставляют сомнений, на чьей стороне находятся его симпатии.

Как показывает историографический анализ, метафора «невидимой руки» приобрела повсеместную известность благодаря ее критическому обсуждению в самом известном учебнике по экономике П. Самуэльсона. Более того, насколько можно понять, именно его «Экономика» послужила главным источником множества ложных трактовок, далеких от реальных взглядов Смита на природу человека, экономику и государство. Так, стандартное для сегодняшнего экономического мейнстрима отождествление «невидимой руки» с совершенной конкуренцией (и более конкретно —

с Первой фундаментальной теоремой экономики благосостояния) является откровенным анахронизмом, совершенно произвольно вменяемым автору «Богатства народов».

Гораздо больше содержательных и текстуальных оснований для сближения понятий «невидимая рука» и «спонтанный порядок», из которого исходят представители австрийской школы. Недаром эту интеллектуальную традицию нередко именуют не просто австрийской, но *шотландско-австрийской*. Сми́та всю жизнь интриговала врожденная склонность людей к упорядочиванию всего, что их окружает и с чем им приходится иметь дело. По его наблюдениям, эстетические соображения, связанные с восхищением красотой порядка и регулярности, во многих случаях оказываются сильнее чисто утилитарных соображений, связанных с заботой о материальном благополучии. На примере тех, кого он называл «людьми системы», Смит предупреждал об опасностях, таящихся в безудержном следовании этой врожденной склонности, когда жизнь общества пытаются перестраивать исходя из каких-то искусственных идеальных схем. В то же время он явно испытывал удовольствие, когда ему удавалось обнаруживать стихийный порядок там, где другие не видели ничего, кроме хаотичного нагромождения не связанных друг с другом событий.

Адаму Сми́ту почти случайно удалось набрести на образное выражение, которому была суждена долгая жизнь, которое оказалось эвристически крайне продуктивным и которое прочно вошло в лексикон многих современных дисциплин — от экономики до философии науки. Нет сомнений, что в истории идей его метафоре «невидимой руки» навсегда гарантировано самое почетное место.

ЛИТЕРАТУРА

- Басу К. По ту сторону невидимой руки. Основания новой экономической науки. М.: Дело, 2014.
- Вон К.И. «Невидимая рука» // Невидимая рука рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. С. 226–232.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Ослингтон П. Бог и рынок: «невидимая рука» Адама Сми́та // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 181–206.
- Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

- Смит А. История астрономии // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2014. С. 888–976.
- Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
- Arrow K.J., Hahn F.H. General Competitive Analysis. San Francisco: Holden-Day, 1971.
- Blaug M. Invisible Hand // S. Durlaf, L. Blume (eds). New Palgrave Dictionary of Economics. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 564–565.
- Brewer A. (On the Other (Invisible) Hand // History of Political Economy. 2009. Vol. 41. No. 3. P. 519–543.
- Buchan J. Capital of the Mind; how Edinburgh changed the World. London: John Murray, 2003.
- Carey T.V. Adam Smith's Newtonian Ideals // Adam Smith Review. Vol. 11. London: Routledge, 2019. P. 297–314.
- De Vroey M. Is the Tâtonnement Hypothesis a Good Caricature of Market Forces? // Journal of Economic Methodology. 1998. Vol. 5. No. 2. P. 201–221.
- Ferguson A. An Essay on the History of Human Society. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1996/1797.
- Ferguson A. Principles of Moral and Political Science. N.Y.: AMS Press, 1973. Vol. 1.
- Force P. Self-interest before Adam Smith. A Genealogy of Economic Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Gaus G. Explanation, Justification, and Emergent Properties: An Essay on Nozickian Metatheory // The Cambridge Companion to Nozick's Anarchy, State, and Utopia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 116–142.
- Grampp W. What Did Smith Mean by the Invisible Hand? // Journal of Political Economy. 2000. Vol. 108. No. 3. P. 441–465.
- Hahn F.H. Reflections on Invisible Hand // Lloyd Bank Review. 1982. No. 1434. P. 1–27.
- Hahn F.H. General Equilibrium Theory // Equilibrium and Macroeconomics. Oxford: Basic Blackwell, 1984. P. 72–87.
- Hamowy R. The Scottish Enlightenment and the Theory of Spontaneous Order. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987.
- Harrison P. Adam Smith and the History of the Invisible Hand // History of Economic Ideas. 2011. Vol. 72. No. 1. P. 29–49.
- Hayek F.A. The Mirage of Social Justice. London: Routledge & Kegan Paul, 1976.
- Kennedy G. Adam Smith and the Invisible Hand: From Metaphor to Myth // Econ Journal Watch. 2009a. Vol. 6. No. 2. P. 239–263.
- Kennedy G. The Hidden Adam Smith in his Alleged Theology // Journal of the History of Economic Thought. 2009b. Vol. 33. No. 3. P. 385–402.
- Kennedy G. Paul Samuelson and the Invention of the Modern Economics of the Invisible Hand // History of Economic Ideas. 2010. Vol. 28. No. 3. P. 105–120.

- Kennedy G.* Adam Smith: Some Popular Uses and Abuses // R.P. Hanley (ed.). Adam Smith: His Life, Thought and Legacy. Princeton: Princeton University Press, 2016. P. 461–477.
- Klein D.B.* In Adam Smith's Hands: Comment on Gavin Kennedy // Econ Journal Watch. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 264–279.
- Macfie A.L.* The Invisible Hand of Jupiter // Journal of the History of Ideas. 1971. Vol. 32. No. 4. P. 595–599.
- Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R.* Microeconomic Theory. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Minowitz P.* Adam Smith's Invisible Hands // Econ Journal Watch. 2004. Vol. 1. No. 3. P. 381–412.
- Nozick R.* Invisible Hand Explanations // American Economic Review. 1994. Vol. 84. No. 2. P. 314–331.
- Persky J.* Adam Smith's Invisible Hands // Journal of Economic Perspectives. 1989. Vol. 3. No. 3. P. 195–201.
- Polanyi M.* The Logic of Liberty. London: Routledge, 1951.
- Rothschild E.* Summary on the Invisible Hand // American Economic Review. 1994. Vol. 84. No. 2. P. 319–322.
- Samuels W.* Erasing the Invisible Hand: Essays on an Elusive and Misused Concept in Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Samuelson P.A.* (since 1985 — *Samuelson P.A., Nordhaus W.D.*). Economics: An Introductory Analysis. New York: McGraw-Hill. Edn. 1, 1948; Edn. 2, 1951; Edn. 4, 1955; Edn. 6, 1963; Edn. 7, 1967; Edn. 8, 1970; Edn. 9, 1973; Edn. 12, 1985; Edn. 13, 1989; Edn. 16, 1998; Edn. 18, 2005; Edn. 19, 2010.
- Smith A.* The Principles which lead and direct Philosophical Enquires; illustrated by the History of Ancient Physics // W.P.D. Wightman, J.C. Bryce (eds). Smith A. Essays on Philosophical Subjects. Indianapolis: Liberty Fund, 1980. P. 95–115.
- Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. Sao Paolo: MetaLibri, 2006/1790.
- Syed A.* Adam Smith's Four Invisible Hands // History of Political Economy. 1990. Vol. 22. No. 1. P. 137–145.

Kapelyushnikov, Rostislav I.

Economic Essays: History of Ideas, Methodology, Culture and Economics, Labor Market / R. I. Kapeliushnikov ; HSE University. — Moscow : HSE Publishing House, 2025. — 528 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-4121-0 (hard-cover). — ISBN 978-5-7598-4278-1 (e-book).

The book includes studies prepared and published in 2020–2024. While covering very diverse theoretical and applied issues they focus on four key subjects — history of ideas; methodology of economic analysis; culture and economics; labour market. The first part examines origin and subsequent evolution of such important concepts in the history of social thought as “invisible hand” (A. Smith), marginal and labor theories of value (F. Wicksteed, K. Marx), “neoliberalism”, “universal basic income”. The second (methodological) part highlights the famous discussion between Keynes and his followers on the epistemological status of econometrics, discusses the methodology of randomized controlled trials (RCT) in economics and provides a critical assessment of the approach of T. Piketty and his co-authors to measuring inequality in Russia. The third part elucidates some theoretical (using as an example the conception of cultural evolution by F. Hayek) and empirical (using as an example patterns of cultural consumption in Russia) dimensions of the relationship between cultural and economic phenomena. The last part explores new trends in the evolution of the Russian labor market.

The monograph continues an analytical approach firstly presented in the author’s previous monographs “Economic Essays: Methodology, Institutions, Human Capital” (2016) and “Economic Essays: History of Ideas, Methodology, Inequality, Growth” (2021).

Научное издание

Капелюшников Ростислав Исаакович

Экономические очерки:

История идей, методология, культура и экономика,
рынок труда

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *К.А. Залесский*

Компьютерная верстка и графика: *С.В. Родионова*

Корректор *О.И. Ростковская*

Художник *В.П. Коршунов*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь
в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 5296, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 16.06.2025. Формат 70×100 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 42,9. Уч.-изд. л. 33,2
Тираж 500 экз. Изд. № 2872

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42